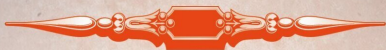

ЛитРес:

ИВАН ЛЮБЕНКО

КЛИМ АРДАШЕВ. НАЧАЛО

ЧЕРНЫЙ АРАГАЦ

КЛИМ АРДАШЕВ СОСТАВЛЯЕТ КАРТИНУ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ИЗ
ЛОГИКИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПОСТУПКОВ И СКРЫТЫХ ДЕТАЛЕЙ

Иван Иванович Любенко
Черный Арагац
Серия «Клим Ардашев»
Серия «Клим Ардашев.
Начало», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70417561

Чёрный Арагац:

Аннотация

Что может объединять Калькутту, гору в Армении и тайну тридцатилетней давности? На этот вопрос ответит Клим Ардашев, но сначала он окажется жертвой коварной обольстительницы, станет подозреваемым в убийстве и, рискуя жизнью, раскроет серию загадочных преступлений в Ростове-на-Дону в августе 1890 года.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	25
Глава 4	47
Глава 5	58
Глава 6	71
Глава 7	81
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Иван Любенко

Чёрный Арагац

Выражаю благодарность С.В. Петросяну

Вода уходит, песок остаётся.

Армянская пословица

Глава 1

Чёрный коршун

28 июля 1890 года, окрестности г. Ростова-на-Дону.

Солнце палило нещадно. Вдали виднелись крыши хат станции Гниловской. Разогретый воздух дрожал над степью, точно студень. Посвистывали неунывающие суслики. Восточный суховец шевелил коричневые заросли камыша, и у самого берега Дона гулко била хвостом огромная рыба. Раскалённая земля, не успевшая остыть за короткую ночь, затвердела и не поддавалась лопате. Казалось, ещё один удар и металл сломается, но человек, обливаясь потом, с упорным остервенением продолжал вгрызаться в поросшую жухлой травой поверхность холма. Траншея уходила всё глубже, и земля постепенно становилось мягче. Время от времени

он пил воду из носика медного чайника и, закурив папиросу, ложился на спину, глядя в безоблачное, будто выбеленное известью небо. Ветер трепал его рыжие волосы, точно колосья пшеницы. «Господи, – размышлял он, – помоги мне! Говорят, что на смену чёрной жизненной полосе всегда приходит белая, то есть счастливая. Но у меня никогда не было белых полос! Были только серые и чёрные. И теперь меня может спасти только чудо... или смерть. Третьего не дано. Я слишком долго шёл по краю жизни. И кем только не был! Начинал хорошо. Служил не где-нибудь, а на Большой Садовой в «Комиссионерской конторе Дионисия Пападато», что в доме Мелконова-Езекова. Контора, как писалось в газетных объявлениях, «имела солидные рекомендации и принимала на себя поручения касательно торговли и денежных операций». Но подвёл соблазн повернуть сделку мимо хозяина и положить куртаж в карман. Трижды мне удавалось, а на четвёртый раз – попался. Выгнали взащей. Хозяин-грек, не пожалев конвертов и марок, разослал письма с отрицательными рекомендациями по всем комиссионерским конторам Ростова и Нахичевани¹. Куда оставалось идти? В кон-

¹ Нахичевань-на-Дону – соседний с Ростовом-на-Дону город, основанный в 1779 году по указу Екатерины II о даровании армянским переселенцам из Крыма земель на правом берегу реки Дон, неподалёку от крепости Дмитрия Ростовского. Вокруг нового города возникло пять армянских сёл: Чалтырь, Большие Салы, Султан-Салы, Несветай и Крым (Топты). Позже появилось и шестое село – Катеринован (Самбек). Первоначально город назывался Нор-Нахичеван (Новый Нахичеван), но после освобождения русской армией города Нахичевани в Закавказье и присоединения его к Армянской области во избежание путаницы

дистерскую «Люрс», что на Большой Садовой. В Ростове три класса: мужик, купец и жулик... Так вот в «Люрс» являлись все трое. Кто с «пробами» зерна, кто со «спросом и предложением», а кто с мыслями, как сыграть на ценовом понижении курса зерна, кожи или мануфактуры... Словом, сборище мелких маклеров, мошенников и почти разорившихся купцов. Да, сделки заключались, только навару с них комиссионеру было столько же, сколько животного жира в родниковой воде, и поэтому приходилось не брезговать и посредничеством при найме прислуги. Стихийная лакейская биржа образовалась в Ростове на Старом базаре. Бывало, что деньги за устройство брал, а работу лакею предоставить не мог. Приходилось скрываться. Дошёл до того, что в паре с Грызуном, вором-карманником, завладевшим дубликатами накладных на предъявителя, получал чужой груз на железнодорожном складе. Не от хорошей жизни промышлял и подделкой тех самых дубликатов. Так и познакомился ростовскими ворами, получив от них прозвище Пройда-малой. У тех немногих, кто ещё помнил меня как честного человека, я брал займы, но отдавал не всем. Долги превратились в кошмар, от которого невозможно скрыться. Теперь от кредиторов меня может спасти только чудо... или смерть».

Неожиданно штык лопаты ударился во что-то твёрдое и раздался глухой звук. Он начал обкапывать препятствие, и

в 1838 году был переименован в Нахичевань-на-Дону. В 1929 году город стал частью Ростова-на-Дону (Пролетарский район).

взору открылся камень ракушечник. Затем другой, третий. Появилась стена, сцементированная тёмной глиной с примесью рубленой соломы. Постепенно обрисовались очертания погребального сооружения, расположенного под курганной насыпью, и вход, куда можно было проползти на четвереньках, что он и сделал. Забравшись внутрь и зажегши свечу, человек увидел скелет, облачённый в парадные одежды, расшитые штампованными бляшками в виде разных фигур: змеи, лани, лошади, быка и орла. На ногах погребённого сохранились куски кожи, вероятно от сапог, а колени были прикрыты бронзовыми кнемидами². Меч в ножнах и россыпь бронзовых наконечников, а также деревянный горит³ лежали рядом с ларцом, доверху наполненным монетами.

Сердце учащённо забилося. «Клад! Неужели мне повезло?» – мысленно обрадовался он, вынул из-за пояса холщовый мешок и пересыпал в него монеты. Туда же положил сорванные с одежды бляшки, меч и наконечники стрел. Снова, став на четвереньки, он полез назад, к свету. Выбравшись наружу и отряхнув грязь с колен, он сунул руку в карман за папиросами, как вдруг услышал:

– Ну что, Пройда-малой, всё-таки отыскал клад?

Он повернулся:

– Грызун? Как ты здесь оказался?

² Кнемиды – металлические доспехи, защищающие голени древнегреческого воина.

³ Горит – футляр для лука и стрел.

– Не твоё дело. Мешок положи на землю.

– Это ещё почему?

– А вот потому, – поигрывая финкой, ответил незванный гость.

– Ты же отказался со мной курган раскапывать. Говорил, что это пустая затея. Только мозоли набивать...

– И что с того? Говорил одно, теперь другое. Повторяю, мешочек брось в сторону, он тебе больше не понадобится.

– Там нет ничего ценного. А золотишко осталось внутри... Я же не дурак, чтобы с ним на свет божий выбираться. Дай думаю сначала гляну, всё ли спокойно наверху, а потом и вернусь...

– Ага, так я тебе и поверил!

– А ты взгляни, что в мешке.

– Успею ещё... А правду гутаришь, что золото в могиле осталось?

– Хочешь, сам полезай и увидишь.

– И много его там?

– Оно на скелете. Украшения на шее и запястьях. Видать, царёк древних кочевников похоронен.

– И ты не взял?

– Нет.

– Не верю я тебе. А ну дай мешок!

– Бери. Смотри.

– Ладно, поживи несколько минут, – засовывая финку за голенище сапога, ослабился Грызун. Он раскрыл мешок и

сунул в него голову.

А высоко в небе, чуя добычу, над курганом уже кружил чёрный степной коршун.

Глава 2

Сирена

На перроне железнодорожной станции Невинномысская, находящейся в шестидесяти двух верстах от Ставрополя, как всегда при посадке на ростовский поезд, царило оживление. Носильщики с медными бляхами бегали как угорелые. На дальних путях мимо станции медленно, точно гусеница, проползала вереница товарных вагонов. Между шпалами чернели масляные лужи, а на карнизе вокзала нежились ещё сонные голуби. Дворник чистил станционный колокол толчёным кирпичом. Пахло дёгтем и угольной пылью, и только порывы свежего ветра доносили запах степных трав.

Состав должен был тронуться через четверть часа. Железный монстр натужно посапывал, выпуская из котла струи густого пара, будто готовясь вырваться из вокзальной суеты на степной простор. Белый знак, нанесённый на нижней части будки машиниста и на буферном бруске, говорил о том, что локомотив серии «ОВ» числится за 116-м порядковым номером и приписан к Ростово-Владикавказской железной дороге. Паровозы такого типа стали выпускать лишь в этом году, и потому стальная машина ещё находилась в поре своей юности.

Несмотря на раннее утро, солнце уже приготовилось жа-

лить лучами, точно казацкими пиками, всё живое, и пассажиры пытались укрыться от него в вагонах. Но, оказавшись в тесном пространстве, они начинали страдать от наступающей духоты. Все ждали с нетерпением отправления поезда, втайне надеясь, что ветер не будет забивать сажу через открытые окна.

Молодой человек двадцати трёх лет, с саквояжем и тростью уверенной походкой, рассекая толпу, двигался к вагону. Правильные черты лица, тонкая нитка усов и модный гардероб, состоящий из шляпы, лёгкого тёмного-синего костюма, жилетки того же цвета, белоснежной сорочки со стоячим воротником, чёрного галстука, слегка зауженных брюк и чёрных туфель английского фасона, выделяли его из толпы. Вероятно, именно поэтому на нём задержала взгляд дама бальзаковского возраста, провожавшая чиновника в прокурорском мундире.

Предъявив кондуктору серую картонку билета, Ардашев поднялся в синий вагон и, пройдя несколько шагов по коридору, отворил дверь восьмого купе с надписью «1-й класс», «Для курящих».

Купе оказалось пустым, бронзовые ручка двери пускала солнечные зайчики. Из потушенных ламп пахло керосином. Он занял место на мягком диване у окна, вынул из саквояжа книгу и положил её на стол. Слава богу, что в подобных отделениях не имелось верхних полок и потому не стоило ожидать более трёх соседей. А если повезёт, то, возможно, до Ро-

стова он будет вояжировать в полном одиночестве. Ведь не каждый может позволить себе путешествовать первым классом. Собственно говоря, для студента факультета восточных языков Императорского Санкт-Петербургского университета первый класс был непозволительной роскошью, но так решил его отец – гласный городской думы и одновременно основной пайщик ставропольского завода земледельческих орудий «Хлебопашец» Пантелей Архипович Ардашев, внёсший в уставной капитал товарищества шестьдесят процентов собственных средств. Первую продукцию завод начал выпускать только в мае этого года, но, как писала газета «Северный Кавказ», «из-за обильного урожая хлебов в Ставропольской губернии спрос на земледельческие машины и орудия возрос». Заказов было так много, что новое производство не могло с ними справиться. В видах сохранения покупателей было решено приобрести необходимое количество сельскохозяйственных орудий на плугостроительном заводе «Акса́й», что в Ростове-на-Дону, для последующей продажи в Ставрополе. Теперь крестьянам не нужно было ехать за плугами, боронами и сеялками в соседнюю область. Всё можно было купить здесь. С этой целью и был открыт магазин от завода «Хлебопашец» с одноимённым названием. Особенным спросом у крестьян пользовались конные молотилки и приводы, а также одно и многолемешные плуги. В будущем планировалось, что выпущенная товариществом «Хлебопашец» продукция заменит «Акса́йскую», но сейчас стояла другая

задача – удовлетворить ажиотажный спрос. А возник он благодаря тому, что в сёлах Ставропольской губернии начало действовать поддержанное генерал-губернатором Н. Е. Никифораки общественное самоуправление, которое не только решало вопросы текущей жизни (например, сколько зерна следует хранить селу на случай неурожая в так называемом общественном магазине), но и вскладчину открывало местные, совсем небольшие банки с капиталом пять-шесть тысяч рублей. Теперь крестьяне могли в долг покупать в Ставрополе земледельческие орудия и даже паровые машины под векселя банка, открытого односельчанами. К тому же управляющим завода «Акса́й» был давний армейский приятель отца Клим – отставной полковник Виктор Тимофеевич Верещагин. Тринадцать лет тому назад он, командуя передовым отрядом, потерял руку в сражении с турками под Карсом. Ему-то и отписал Пантелей Архипович письмо с просьбой о срочной поставке в Ставрополь земледельческих орудий и заодно попросил скидку в десять процентов, объяснив её тем, что ему предстояло ещё оплатить доставку товара поездом до станции Невинномысская, а оттуда на волах везти уже в губернскую столицу, не имеющую не только вокзала, но даже и близлежащих товарных железнодорожных путей. Верещагин в просьбе не отказал, но поставил условие: оплата должна быть произведена наличными и полным авансом. Старший Ардашев поразмыслил, но выхода не было. И второго дня он отбил в Ростов-на-Дону телеграмму: «Согласен.

Встречай сына завтрашним поездом».

Но стоит добавить, что перед этим событием Клим ни сном ни духом не ведал о замысле родителя. Ещё в июне, сдав экзамены, он получил увольнительное свидетельство университета и приехал в Ставрополь. Первым делом студент навестил теперь уже иеродиакона Ферапонта⁴, помогавшего священнику в храме Святых Петра и Павла, что при Тюремном замке, приближать к Господу души грешников, преступивших закон. Бывший псаломщик Успенского храма, принявший монашеский постриг, изменился, и, как показалось Ардашеву, не в лучшую сторону. Его взгляд потух, и лицо, словно замороженное, не выражало эмоций. Он всё больше безмолвствовал, ни о чём не спрашивал и на вопросы отвечал неохотно. Когда паутина молчания, разделявшая друзей, стала невыносимой, Клим понял, что прежних отношений между ними уже не будет. Прощаясь, он заметил в глазах Ферапонта ту самую грусть, которая читается во взоре безнадёжно больного, смотрящего вслед уходящему от него здоровому родственнику.

Уже на следующий день Ардашев купил огромный букет роз и, вложив записку, прислал его в меблированные комнаты, снятые оперной певицей Завадской. Не прошло и получаса, как он был с радостью принят своей прошлогодней пассией. Сусанна Юрьевна, как выдержанное вино, стала ещё

⁴ О расследованиях Клим Ардашева и Ферапонта Благодрава читайте в романе «Слепой поводырь».

прекраснее. Стройная брюнетка с большими, как маслины, глазами, прятавшимися под длинными ресницами, всё так же сводила с ума... Чувства вспыхнули с новой силой и не гасли. Завадская наслаждалась молодым любовником с неторопливым удовольствием, точно смаковала дорогое шампанское. То же самое происходило и с Климом. Да, она была несколько старше, но это обстоятельство только придавало ей дополнительный шарм. А ему всегда нравились дамы, а не барышни. Наверное, поэтому, расследуя в Лондоне убийство известного английского профессора, Ардашев сначала увлёкся миссис Тейлор, а потом влюбился в очаровательную молодую вдову миссис Пирсон, предложив ей переехать в Россию... Но судьба распорядилась иначе, и Клим до сих пор считал себя виновником той страшной трагедии. Студент вздохнул и подумал, что среди всех его увлечений лишь Анна, оказавшаяся потом Софией, была исключением, хотя именно из-за неё Феррапонт и принял монашеский постриг...

Слухи и сплетни неслись вслед за экипажем, увозившим Клима и Заводскую на воды. В Кисловодске, спрятавшись от любопытных глаз ставропольских обывателей, пара чувствовала себя намного свободнее. Горный воздух, прогулки по парку и ужины в приятных компаниях были незабываемы. Актриса, привыкшая к мужскому вниманию, купалась в лучах собственного очарования теперь уже и среди водяного общества. Всё бы ничего, но Ардашева всё чаще раздражали её новые воздыхатели, надоедавшие своим якобы случай-

ным появлением чуть ли не ежедневно. И один из конфликтов с неким штабс-капитаном чуть было не закончился поединком. Секунданты с трудом уговорили дуэлянтов примириться.

Когда портмоне Клима изрядно похудело, они вернулись в Ставрополь. К концу подходили не только ассигнации, но и вакации. Новый учебный семестр в Императорском университете начинался 20 августа. Успокаивала лишь мысль о том, что оставалось ещё две беззаботные недели. Но в один из вечеров, когда Ардашев только что воротился домой, отец и попросил его не только отвезти пятьдесят тысяч рублей в Ростов, но и организовать отправку купленного товара в Ставрополь.

Со слов родителя стало понятно, что о его предстоящей поездке были осведомлены почти все служащие конторы товарищества «Хлебопашец». Радости это Климу не добавило и потому пришлось потратить семь с половиной рублей в оружейном магазине на шестизарядный револьвер «Уэмбли», он же «бульдог», точно такой, как был у террористки-народницы Веры Засулич во время её покушения на градоначальника Трепова.

Дверь купе отворилась, и на пороге появился улыбающийся господин лет тридцати пяти, с роскошными усами и бритым подбородком. За его спиной маячила дамская шляпка с широкими полями и слышался детский голос.

– Здравствуйте, – по-доброму проговорил незнакомец,

держа в руках саквояж. – Мы ваши попутчики. Всею семьёй в Ростов едем.

– Прошу, – улыбувшись, вымолвил Клим. – Располагайтесь.

– Позвольте представить – моя сестра Вера Александровна, – пропуская вперёд привлекательную даму лет двадцати семи, сказал вошедший.

– Клим Ардашев, – слегка привстав, рекомендовался студент.

– Ну и сынишка мой, Григорий... Ах да, пардон, о себе-то и забыл: Михаил Петрович Бессарабов, купец второй гильдии, держу торговые лавки в Ростове и Нахичевани-на-Дону. Если позволите, я сяду рядом, а отпрыск мой на краешке примостится.

– Да-да, конечно, – кивнул Ардашев, убирая саквояж под стол так, чтобы можно было его касаться ногаы.

– Вы не будете возражать, если я тоже суну свой саквояжик рядом с вашим?

– Как вам будет удобно.

– Благодарю. Пять часов трястись до Кавказской и потом ещё столько же до Ростова.

– Но всё же лучше, чем в коляске. Пыль, жара, почтовые станции и не всегда наличие свежих лошадей... Могли бы и сутки провести в дороге, – вздохнул Ардашев.

– Да-да, вы абсолютно правы.

Дама сняла шляпку, обнажив собранные заколкой чёрные

ВОЛОСЫ.

Бессарабов поднялся и затворил шторку, разделившую купе на две части. Даму теперь вовсе не было видно.

– Надеюсь, вы не возражаете? – осведомился он у Клима.

– Нет-нет...

Послышались удары станционного колокола, свисток обер-кондуктора, и поезд перенёс пассажиров в безмятежное, слегка покачивающееся состояние.

Студент углубился в чтение.

– Завидую вам, – вновь подал голос купец. – Книгу прихватили. А я вот не догадался. А что читаете?

– «Всадник без головы» Томаса Майн Рида.

– Как же такое возможно? – удивился попутчик. – Без головы и лошадьёю управлять?

Клим пожал плечами, но ничего не ответил. Разговорчивый сосед уже начал раздражать. А ведь с ним предстояло находиться рядом ещё не один час.

– Папа, я хочу в нужник, – проговорил мальчишка лет десяти.

– Подожди сынок, я достану утиральники⁵. Они в саквояже, – выговорил попутчик и, повернувшись к Климу, спросил: – Вы позволите, я проберусь под стол?

Ардашев поднялся и пропустил пассажира вперёд.

⁵ Утиральники – влажные гигиенические салфетки, пропитанные антибактериальным составом с использованием различных ароматов (алоэ, ромашки, гвоздики). Были очень популярны в России в артистической среде для снятия макияжа.

Попутчик долго возился у ног Клима и, вынув пачку белых салфеток, вышел в коридор вместе с мальчуганом.

Шторка отъехала, и за ней опять возникла брюнетка.

– Не будете ли так любезны отворить окно? – попросила дама студента.

– Конечно.

Клим попытался поднять окно⁶, но оно заело и никак не хотело поддаваться. Послышалось открывание двери, и возник купец с сыном.

– Давайте я вам помогу, – выговорил вошедший и тоже принялся бороться с рамой, сдавшейся в конце концов под напором двух мужчин.

– Ну вот, – облегчённо вздохнул Бессарабов. – Теперь будет не так душно.

– Папа, мне опять в нужник надобно, – проскулил мальчик.

– Да что же такое с тобой, Гришенька? Говорил же тебе не ешь невымытые сливы. А ты не послушался. Теперь вот бегаешь... Ну что ж, делать нечего, идём...

Отец с сыном вышли, и в купе возникла неловкая тишина.

– Вы не будете возражать, если я закурю? – спросил Ардашев.

– С удовольствием составлю вам компанию, – пропела Вера Александровна, и у неё в руке оказалась пахитоска.

⁶ Окна в российских вагонах того времени открывались вверх, как в домах Англии и США.

Студент учтиво поднёс даме огонёк спички и закурил «Скобелевские».

Вновь появился отец с сыном. Усаживаясь, купец вынул платок и, промокнув потный лоб, сказал:

– Хорошо, что взяли первый класс. И нужник имеется, и умывальник. Очереди нет, как во втором классе. Хоть и общие удобства, но зато они имеются. Знаете, мне много приходится колесить по рельсам. И больше всего возмущает наша Ростово-Владикавказская железная дорога. Вроде бы частный капитал, акционерное общество, а на всех тридцати восьми станциях нет ни одного современного ватерклозета. Только уличные, деревянные, сколоченные из грубых досок... И все пассажиры третьего класса во время стоянки на станциях выстраиваются в очередь. На барышень смотреть жалко... Понять не могу, отчего у нас так в России? – выговорил Михаил Петрович и тоже задымил папиросой.

Климу не хотелось пускаться в рассуждения. Он лишь кивнул согласно и промолчал.

Свежий ветер врывается в купе вместе паровозной гарью, оставляя сажу на стенах и вещах пассажиров.

– А как вы относитесь к коньяку? – поинтересовался негодник.

– Вообще-то положительно, но день только начался, и думаю, мне пока не стоит, – смущённо вымолвил молодой пассажир.

– А вот здесь я с вами, сударь, не согласен, – покачал голо-

вой Михаил Петрович. – Вы позволите мне вновь пробраться к саквоюжу?

– Прошу.

На столике возникла серебряная фляжка, три рюмки и коробка шоколадных конфет. Бессарабов очень проворно их наполнил.

– Друзья, предлагаю выпить за знакомство!

– Разве что одну, – сдался Клим.

– А я с большим удовольствием! – улыбнулась Вера Александровна.

– Папа, а можно мне конфеты? – спросил мальчик.

– Конечно, Гришенька, бери.

– Ага, спасибо.

– Кушай на здоровье.

Бессарабов вновь налил коньяк, но в этот момент Вера Александровна проронила:

– Клим, а вы не могли закрыть окно. Я просто задыхаюсь от угольного смрада. Встречный ветер забивает к нам гарь, и, если так пойдёт дальше, мы станем чумазыми, как негры.

– Дышать нечем, – пожаловался мальчуган.

Ардашев поднялся и опустил окно. Понимая, что спокойно читать уже не получится, он отомкнул саквоюж и, убрав книгу, закрыл его, сунув под стол.

– Предлагаю выпить за удачу. Пусть она сопутствует каждому из нас!

– Благодарю, но я, пожалуй, пропущу, – начал отнекивать-

ся студент.

– Ну что же вы? Такой приятный молодой человек и отказываетесь поддержать одинокую даму? – улыбаясь лишь уголками глаз, проронила сестра Бессарабова.

– Одинокую? – вырвалось у Клима.

– Моя сестричка очень разборчива, – горько вздохнул купец. – А как хочется племянника или племянницу!

– За любовь! – подняв бокал, вымолвила красавица, не отводя своих больших глаз от Клима.

И студент, точно находясь под действием гипноза, прошептал:

– За вас Вера!

– Отличный коньяк, не находите? – наливая следующую рюмку, спросил попутчик. – Греческий. Выдержанный. Признаться, я не большой любитель греческих вин. Им далеко до французских. А вот коньяки Эллады уважаю. Вы угощайтесь конфетами. Вот эту попробуйте, в обёртке, с миндалём. Под коньяк лучше не придумать.

– Что-то совсем не хочется сладкого.

– А из моих рук? Неужели отвергните? – пропела дама, точно морская сирена из древнегреческих мифов.

– Как можно вам отказать? – пролепетал Клима, выпил коньяк и позволил Вере положить в его рот конфетку.

– Ам! Умница! – воскликнула она и улыбнулась.

Попутчица достала пахитоску, ожидая, пока Клима поухаживает за ней. Закурив, она провела рукой по открытой гру-

ди своего декольте и верхняя пуговица случайно расстегнулась. Студент откинулся на спинку дивана и, почти не стесняясь, любовался своей визави. Её образ растворялся в клубах ароматного дыма. Ардашеву вдруг показалось, что он невесом и может легко парить под потолком, как комар или бабочка.

– Папа, мне опять плохо с животом, – пожаловался мальчуган. – Пойдём.

– Прямо беда с тобой, сынок. Ну что ж, делать нечего... Отец и сын вышли. Дверь закрылась.

Клим хотел подняться, но не мог. Ноги не слушались. Он был готов расстаться со всеми сокровищами на свете лишь бы коснуться губами этой ямочки посередине груди красавицы. Студент протянул к ней руку, пытаясь дотронуться.

– Ну-ну, милый, не шали. Лучше приляг. И я буду рядом. Ложись. Никого нет. Только ты и я. Если хочешь, я закрою купе. Закрыть?

– Да, – прохрипел Ардашев, валясь на спинку дивана. – Иди ко мне. Чего же ты ждёшь?

– Да-да, сейчас, – молвила она, туша в пепельнице пахитоску, и приказала: – Закрой глаза! Я хочу раздеться.

Клим повиновался. Аромат французских духов повис над ним. Её прерывистое дыхание и мокрые губы он почувствовал у самого уха. А потом она поцеловала его в лоб, как покойника.

...Волны тёплого моря бились о скалы. Из морской пены

выходили юные нимфы, стройные и нагие. Брюнетки, блондинки, шатенки... Достигнув берега, они окружили Клима и вдруг в один миг, превратившись в чаек, с дикими криками унеслись в небо.

Глава 3

Убийство

Клим открыл глаза. Стук колёс отдавался острой болью в голове. Тошнило. Он огляделся. За окном вовсю резвилось солнце. Попутчики исчезли. Вместе с ними пропал и саквояж. Револьвер по-прежнему покоился за поясом. Ардашев снял пиджак и осмотрел жилетку. Деньги, зашитые под подкладку в трёх местах, остались на месте. Спасибо отцу. Горничная по его настоянию сделала в жилетке Клима три потайных кармана: один под спиною и два по бокам. В правом лежало двести сотенных кредитных билетов, в левом – десять тысяч рублей ассигнациями различного достоинства, и двадцать тысяч были зашиты на спине. Пиджак отлично скрывал эти места. Клим взял с собой саквояж, и по совету родителя замкнул его на ключ. В нём лежала пачка старых газет, две пары нательного белья, носки, бритвенные принадлежности, мыло «Цветочное», зубная щётка и порошок «Одонтин», венгерская помада для усов и одеколон «Гелиотроп».

Пантелей Архипович понимал, что сведения о поездке сына были известны многим, и не исключал, что они могли прийти и до воров, орудующих в поездах. Клим же был уверен, что предостережения отца излишни, ведь при его вниматель-

ности и осторожности у жуликов не было ни малейшего шанса. К тому же у него за поясом был револьвер, закреплённый специальной лямкой на пуговице. Но раз уж он согласился с мнением родителя, то, следуя его задумке, всячески демонстрировал попутчикам, что беспокоится о саквояже: то касался его ногой, то перекидывал с места на место, чем в конечном итоге запутал воров, но саквояжа всё равно лишился. Самое ценное, что было в нём, – бритва «Золинген» с ручкой из слоновой кости, подарок отца. Слава богу, паспорт остался на прежнем месте – во внутреннем нагрудном кармане – и триста командировочных рублей в бумажнике оказались нетронутыми. В полной сохранности был и бесполезный теперь ключ от саквояжа. Клим вынул хронометр. Получается, он проспал шесть часов.

Студент открыл окно. В купе ворвался свежий ветер и дышать стало легче. Постепенно прошла тошнота.

Он вышел в коридор и, увидев кондуктора, осведомился:

– Послушай, любезный, а где мы едем?

– Через полчаса прибудем в Ростов-на-Дону.

– А куда делись мои попутчики?

– Так они ещё на Кавказской сошли. Велели вас не будить.

– Надо же, какие заботливые, – усмехнулся Ардашев. –

Это воры. Они украли мой саквояж.

– Мать честная! – вскинул руки кондуктор. – А по виду сроду не скажешь. Вам, барин, надоть жандарму станционному заявить. И приметы их сообщить.

– Придётся.

– Ага. Я тожить по начальству доложить обязан.

– А не найдётся ли у тебя листа бумаги и карандаша? Я бы пока прошение о розыске моих вещей для жандарма написал, а?

– Вы погодьте, ваше благородие, сейчас всё будет, – отчего-то кланяясь, выговорил кондуктор и удалился. Но долго его ждать не пришлось, и Клим принялся за писанину, хоть при вагонной качке это было не просто.

Ростовский вокзал соединял три железные дороги: Владикавказскую, Курско-Харьково-Азовскую и Козлово-Воронежскую.

Величественное, трёхэтажное здание вокзала, выстроенное из красного кирпича, поравнялось с окном купе, и поезд замер.

Выйдя с одной лишь тростью на крытый перрон, вояжёр посмотрел на станционный градусник. Ртуть поднялась до двадцать третьего деления Реомюра⁷. Ветер принёс с собой душливый, зловонный газ, исходящий от речки Темерник, превратившейся в грязное болото.

Клим огляделся. Отец предупредил, что его должны встретить. Но кто? Неожиданно он заметил невысокого толстого молодого армянина, лет двадцати двух, с курчавыми волосами, выбивающимися из-под белой шляпы, стоящего под газовым фонарём. Он был одет в светлый костюм, корич-

⁷ 25°С.

невую жилетку, чёрный галстук и белые кожаные туфли. Под густыми, почти сросшимися на переносице бровями прятались умные глаза. Нос у него был длинный, точно орлиный, а усы короткие, нафиксатуаренные, с загнутыми вверх кончиками. Толстые губы свидетельствовали то ли о его доброте, то ли о наивности. В руках он держал кусок тёмного картона, на котором мелом было выведено: «Г-нь Ардашовъ». На правом мизинце сверкал золотой перстень с чёрным агатом. Парень с таким вниманием рассматривал девушек, выходящих из вагонов, что казалось, он ожидал встретить барышню.

– Добрый вечер! А у вас ошибка в написании моей фамилии. Правильно писать «Ардашевъ» через «е», – улыбаясь, выговорил студент.

– Простите, – смущённо молвил встречающий, вытирая с лица пот несвежим платком. – Я был в кантора, протелефонировал Виктор Тимофеевич, сказал вас надо на вокзал встречать. Нерецек, че лсеци... извините, я плохо услышал... Русский язык я не очень хорошо... Ошибка да... есть всегда.

– Меня зовут Клим. А вас?

– Бабук из Нахичевани. Сын купца второй гильдии Тиграна Гайрабетова. Гимназию окончил три года как. Отец в контору определил к свой друг – господин Верещагин. Говорит надо русский учить раз в Россия живёшь. Служу у Виктор Тимофеевича на «Аксае», приказчик. Потом скоро сам

разбогатею, локомотивы продавать буду... молотилки тоже и хороший навар получать... Ачели ер цанотанал... Э-э... Приятно познакомиться с тобой... кнерес... прости... с вами... А где твой... ваш чемодан?

– Саквояж был, но его украли в поезде.

– Вах-вах! Плохо дело. К жандарму надо. Пойдём, я знаю его.

Бабук, похожий на пивной бочонок, так быстро передвигал коротенькими ножками, что Клим едва за ним поспевал. Уже внутри здания вокзала он остановился перед высокой массивной дверью с табличкой: «Ростовское отделение Жандармского полицейского управления железных дорог».

– Один-два минута жди... ждите здесь, – вымолвил он и юркнул за дверь.

Действительно, толстяк вскоре вновь появился и завёл Ардашева в комнату. За столом сидел усатый жандармский ротмистр, важный, как закипающий самовар.

– Позвольте ваш паспорт, – попросил он.

Клим передал документ и подготовленное прошение.

– Вы, я вижу, сударь, в юриспруденции неплохо смыслите, – читая бумагу, проговорил офицер и, кивнув на стул, предложил: – Садитесь.

– Благодарю.

– Значит, дамочка была лет тридцати?

– Около того.

– Симпатичная?

– Очень, – смущённо вымолвил Клим.

– И братец её важный такой, с сыночком лет десяти, так?

– Абсолютно верно.

– Знаем эту компашку. Мойщики⁸. Но я вижу, ничего ценного у вас не пропало? Так, кое-что для бриться, одеколон... Да-с, огорчили вы их, в растрату ввели. Первым классом они ехали, потратились, а толку мало. А вам повезло. Травить вас не стали, а просто усыпили. Пожалели, видать... Но ведь неспроста они к вам привязались, да?

– Не знаю, – пожал плечами Ардашев. – Может, спутали с кем.

– Что-то здесь не так, – барабая пальцами по столу, задумчиво выговорил жандарм. – Эти жулики редко ошибаются.

– Ко мне, как я понимаю, больше нет вопросов? Я свободен?

– Да... Хорошо, что сообщили нам о происшествии. Мы обязаны известить полицию. Вы очень точно описали их

⁸ Мойщики – воры, обкрадывающие сонных пассажиров в поездах. «Мыть» на уголовном жаргоне означало «усыплять». Для этого применяли наркосодержащие вещества. Мойщики тесно взаимодействовали с марвихерами – карманниками высшего класса. Это название характерно для южных и западных частей Российской империи, поскольку большинство из них – евреи, поляки и греки, объясняющиеся между собой на особом воровском, полуврейском-полунемецком жаргоне. Обычно они совершали кражи в компании, которая называлась «хевра», и часто поселялись на тех же «блатных» квартирах, что и мойщики. Обе категории воров никогда не переходили друг другу дорогу, то есть мойщики не шарили по карманам, а марвихеры не утаскивали чужие саквояжи и чемоданы. Каждый занимался своим преступным ремеслом.

внешние данные. Будем надеяться, что рано или поздно эти гаврики попадутся.

– Честь имею кланяться, – вставая, проговорил Клим и вышел.

Бабук последовал за ним и, выйдя за дверь, спросил:

– Виктор Тимофеевич сказал у вас пятьдесят тысяч. Большие деньги. Они есть?

– Деньги со мной.

– Ой, лав... хорошо! Ты... вы... молодец. Садимся на конка и едем к Виктор Тимофеевич домой. Он ждёт тебя... вас... А потом – в гостиница «Гранд-отель». Я номер заказал тебе... вам. Три с полтиной рубля сутки. Дорогой, канешна, но тебе... вам... нравиться будет очень.

– Послушайте, Бабук, не мучайтесь. Зовите меня на ты, и тогда я тоже буду к обращаться к вам на ты. Договорились?

– Шноракулутюн... э... спасибо! Так хорошо будет. Ты мой друг хочешь быть? Тогда держи рука.

– Не возражаю, – с улыбкой ответил на рукопожатие Клим и вынул папиросы. – Куришь? Угощайся.

– Нет. Спасибо. Не люблю. Я талма люблю, хаш люблю, барышня красивый тоже очень сильно люблю. Ты лучше здесь кури, пока конка стоит. Вокзал – конечная. Курить в конка дума запретил. Штраф будет тогда.

– А нам обязательно ехать на конке? Рядом же извозчичья биржа.

– Конка – три копейка на передней площадка, а коляска –

пятнадцать. Копейка рубль стережёт!

– Бережёт, – поправил Ардашев. – Давай возьмём извозчика. Я плачу, ладно?

– Э-э, как скажешь. Хозяин – бара-ан...

– Барин, а не баран, – расхохотался Клим.

– Прости, – покачал головой толстяк. – Некрасиво вышло.

– Едем?

– Угу.

Забравшись в коляску, Бабук скомандовал:

– Казанская, где Большой проспект, перед Новый базар.

Знаешь?

Возница кивнул и тронул каурюю лошадку. Экипаж покинул привокзальную площадь, миновал железнодорожный переезд с открытым шлагбаумом, проехал мост через речку Темерник и оказался на самой главной улице города – Большой Садовой, протянувшейся с запада на восток параллельно Дону. По красоте зданий, мощению мостовых и роскошеству витрин с этой улицей мог сравниться только Таганрогский проспект, лежащий перпендикулярно к реке и разрезающий Ростов с юга на север. Эти две транспортные артерии образовывали своеобразный крест, к которому уже примыкали все остальные продольные и поперечные: улицы Пушкинская, Сенная, Скобелевская, Большой и Средний проспекты, улицы Московская, Казанская, Николаевская и прочие.

Но первое впечатление от Большой Садовой у Ардашева было отнюдь не восторженное. Вид портил забор писчебу-

мажной фабрики Панченко, из-за которого распространялся запах гнилой ветоши и хлорной извести. Дальше, как объяснил Бабук, шли торговые склады, здание железнодорожного ведомства, гончарно-цементный и механический заводы, а за ними – макаронная фабрика и пивной завод купца первой гильдии Чурилина. «А тротуары представляют собой весьма жалкое зрелище, почти как в Ставрополе», – размышлял Ардашев. Только неведомо ему было, что, согласно постановлению думы, за их состояние отвечали домовладельцы. Но некоторые, оправдываясь отсутствием средств, отказывались мостить перед собственными домами, и потому даже в самом сердце Ростова невнимательный или нетрезвый прохожий мог запросто угодить в лужу или рытвину, что для города с годовым бюджетом в один миллион рублей было позором. А вот за дорогами старались следить внимательнее и в газете «Донская пчела» о расходах отчитывались регулярно. Главные проспекты мостили кубиками, то есть цельным камнем правильной формы, добываемым неподалёку. Другие улицы, те, что располагались поближе к центру, укладывали мостовиками, имевшими изъяны в размерах, а для остальных дорог шли в ход осколки, или камень из разобранных старых зданий, ранее стоявших на той же Большой Садовой. Но это не относилось к предместьям, где не было ни мостовых, ни даже керосинового освещения, хотя газовые фонари зажглись в Русском Ливерпуле⁹ ещё в 1872 году.

⁹ В российских газетах того времени Ростов-на-Дону, соединённый с остальной

На окраинах Ростова текла совсем другая жизнь. Правда, при незабвенном городском голове Андрее Матвеевиче Байкове¹⁰ керосиновое освещение пытались устроить и там, но

Россией тремя железными дорогами, составляющими один транспортный узел, часто называли Русским Ливерпулем из-за его порта, имевшего выход в Азовское и, соответственно, в Чёрное моря. С установлением в Ростове-на-Дону таможи сюда стала стекаться сельскохозяйственная и промышленная продукция не только из центральных губерний и Поволжья, но также из Кубанской области, Ставропольской губернии и Закавказья для последующей отправки за границу. Обратным порядком через Ростов-на-Дону ввозилась продукция из-за рубежа. Ливерпуль также был морскими воротами Великобритании в XIX веке. К слову сказать, туристический справочник, изданный в Париже в конце XIX века, нарёк Ростов-на-Дону ещё и «Южнорусским Чикаго», но исключительно из-за бурного роста промышленности и торговли. Что касается высокого уровня преступности в городе, то местные репортёры того времени называли Ростов-на-Дону Русским Нью-Йорком, поскольку этот американский город был известен многочисленными бандами, орудовавшими там в последней четверти XIX века.

¹⁰ Байков А.М. (1831–1889) – дворянин, действительный статский советник, легендарный городской голова Ростова-на-Дону. При нём в городе возник общественный банк, открыта биржа, таможня и гирловой комитет (гирло (*укр.*) – горло – название рукава или протоки в дельтах крупных рек, впадающих в Чёрное и Азовское моря), решавший вопросы углубления дна гирл и строительства торговых судов для выхода к Азову и Таганрогу, что позволило поднять торговлю и промышленность. Ещё в 1864 году по его инициативе в Ростове установили первые 600 керосиновых фонарей (позже их сменили газовые), был проведён водопровод, начато мощение улиц и устройство набережной, а также был построен первоначальный мост через Генеральную Балку по Таганрогской улице, улучшено санитарное состояние города, высажены деревья, разбиты сады и парки, запущена конно-железная дорога и проведён телефон. При А.М. Байкове были открыты женская прогимназия и другие мужские и женские учебные заведения, распахнула двери публичная общественная библиотека, преобразована больница и заложено здание Петропавловской богадельни. А.М. Байков привёл в законное состояние земли в окрестностях Ростова, способствовал появлению газет,

вскоре это неблагодарное занятие бросили по причине вандализма местных обывателей, разбивающих стекла, отчего в дождь, вьюгу или плотный туман фитили тухли. Фонари так и остались стоять, но уже покосившиеся, с пустыми глазницами, вдоль кривых и покатых улочек Нахаловки, Собачьего хутора и Темерницкого поселения. Редкий чужак осмеливался сунуть нос в эти окраины даже при полной луне.

Чем ближе коляска приближалась к пересечению с Таганрогским проспектом, тем сильнее облачалась Большая Садовая в парадный мундир. По двум сторонам, точно великаны, плечом к плечу, а иногда и врозь высились двух, трёх- и четырёхэтажные особняки с большими окнами, украшенные портиками, кариатидами, изящными балконами и колоннами. Были и совсем необычные дома в четыре этажа, с двухсветными окнами, украшенные классическим стилизованным декором и надстроенной ротондой. Там, где Большая Садовая пересекала Таганрогский проспект, текла уже другая, купеческая и вельможная жизнь.

Караваны телег и ломовых извозчиков, гружённых товарами, медленно двигались в сторону пристани, к складам и магазинам.

На запруженных экипажами перекрёстках дежурили городовые, позвякивала проезжающая мимо конка, с шумом

организовал пожарную команду и устроил первый театр. Дважды избирался городским головой. Отличался скромностью. В Ростове-на-Дону ему установлен памятник, памятные доски и бюст. Любимец горожан.

вспорхнули с тротуара голуби, испуганные невесть откуда взявшейся дворнягой. Из открытых окон кафе-кондитерской доносился запах ванили и сдобы. Мальчишка-газетчик, увязавшийся за коляской Ардашева, получил-таки гривенник за «Донскую пчелу», успев предложить седокам газету в тот момент, когда лошадка пошла шагом, свернув на Большой проспект. Красные, жёлтые и голубые вывески торговых домов, банков, иностранных консульств, аптек, фешенебельных гостиниц и дорогих ресторанов мелькали перед глазами студента. «Да, Ставрополь безусловно уступает Ростову, – мысленно рассуждал Клим. – У нас вся красота сосредоточена в одном месте – на Николаевском проспекте. Однако улицы в губернской столице так же широки, как и здесь, но мощены иначе, речным булыжником. Между городами расстояние всего три сотни вёрст, а разница – межпланетная. Наверное, если бы я не видел Петербург с его дворцами, Лондон с подземкой или Ливерпуль с самым современным портом, я бы восхитился. А так – да, вполне себе приличный южнорусский город».

– Приехали! Стой! – велел Бабук.

Клим расплатился и спросил:

– И куда теперь?

– Высокий дом с балконами видишь? Это его. Он хозяин.

Идём.

Перед Ардашевым возникло трёхэтажное здание из крас-

ного кирпича под номером 101¹¹, с полуподвальными окнами и многоскатной крышей. Входная филёнчатая¹² дверь была расположена справа, затем шли два окна и ажурный балкон. Второй и третий этажи имели по три окна и по одному балкону. Оконные проёмы и межэтажные простенки украшали прямоугольные кирпичные выступы. Подоконные филёнки, дугообразные и треугольные сандрики¹³ над окнами верхнего этажа содержали в себе элементы классицизма и русского стиля. Арочный въезд во двор располагался под балконом первого этажа. Два подвальных окна были закрыты ставнями.

– Красиво, – воскликнул Клим. – Чистая эклектика.

– Что?

– Это такой стиль в архитектуре, когда в нём намешаны разные формы и течения.

– Как салат?

– Точно, – улыбнувшись, согласился Клим. – Главное, чтобы всё сочеталось. Тут важно чувство меры. А это не всем

¹¹ Позже, в начале XX века, этот дом на Казанской, 101 (улица Серафимовича) перешёл во владение С. Ф. Плешкова и стал доходным. В нём жили горожане среднего достатка. В настоящее время здание снесено и на его месте пустырь, хотя ещё в 1993 году оно считалось памятником архитектуры, отражавшим стилистическое многообразие застройки исторического центра Ростова-на-Дону.

¹² Филёнка – декоративный элемент, часть поля стены или двери, имеющей обрамление, близкое по форме к прямоугольнику.

¹³ Сандрик – архитектурный элемент над наличником оконного или дверного проёма.

удаётся. В Ставрополе тоже есть такие дома, а в Петербурге их великое множество.

– Виктор Тимофеевич живёт на первый этаж и подвал. Тангаран там... музей. Остальные два квартира другой человек у него снимают. Третий этаж – старый бабка, её сын умер, в Дон река утонул. Жёну оставил, сын есть. Второй этаж – очень красивый дама с хитрый глазки, как лисичка. Сын у них тоже есть. Только муж у неё злой, как шакал. Я на неё совсем чуть-чуть глаз положил и сказал: «Добрый день, аревс», а он на меня так посмотрел, что я даже задрожал... испугался мало-мало, – горько признался Бабук.

– А что такое аревс?

Приказчик пожал плечами, ответив:

– Солнышко моё.

– Выходит, муж знает армянский?

– Канешна знает! Его зовут Самвел Багдасарян. У него два скобяной и три москательный лавка, а жена русский женщина. Я просто не видел его, когда говорил с ней. Он ещё на лестница был и очень тихо крался, как кот. – Толстяк поморщился и добавил: – Он наш обычай нарушил. Женился не на армянка. Это не беда, но немножко неправильно совсем.

Бабук вошёл в парадную. Остановившись перед первой квартирой, он покрутил механический звонок.

Тишина.

Подождав немного, армянин приложил ухо к двери:

– Тиха там. Не слышу никто.

– Звони ещё раз, – велел Ардашев.

Бабука опять повертел стальную ручку в ту сторону, куда указывала стрелка с надписью: «Вращать по кругу».

И опять ни звука.

– А горничная у него есть? – осведомился Клим.

– Есть, канешна. Мария. Красивый, как спелый гранат! Думаю, Виктор Тимофеевич и она – любовники.

Ардашев щёлкнул крышкой часов «Qte Сальтеръ» и заметил:

– Без четверти шесть. Скоро темнеть начнёт. Мне надо деньги отдать и взять расписку о получении, или квитанцию.

Уставившись на часы, приказчик спросил оценивающе:

– Твой часы серебряный?

– Да.

– Тебе повезло.

– Почему?

– Воры могли украсть.

– Им нужен был саквояж с деньгами, а не хронометр.

Толстяк вздохнул и сказал:

– Мой часы в мастерская. Тоже серебряный. Отец подарил. Золотые потом сам куплю, как разбогатеваю.

– Надо говорить «разбогатею». Но давай звони ещё раз.

И вновь шестерёнки издали звонкий металлический скрежет.

– А может, его нет? – предположил Клим и потянул на себя дверь, но она оказалась незапертой.

– Открыто, – удивился студент.

– Спит, наверно, – предположил приказчик.

– В такое время?

Постояв несколько секунд в нерешительности, приказчик открыл дверь и прокричал:

– Виктор Тимафее-евич! Пириехали мы, Ардашов и я!

В квартире было так тихо, что было слышно, как в одной из комнат тикают настенные часы.

Бабук махнул рукой, вошёл внутрь и принялся ходить по комнатам. Клим проследовал за ним. Портьеры были опущены. В помещениях царил полумрак. Приказчик, мотнув кудрями, заключил:

– Нет никто.

– Ты говорил про подвал, про музей, – напомнил студент, указывая на ведущие вниз порожки.

– Да! – воскликнул тот. – Но там темно! Он ставни не открыл.

– Подожди.

Клим вынул спички и зажёл керосиновую лампу. Дом, судя по всему, не освещался газом.

Толстяк взял лампу и застучал каблуками по лестнице. И вдруг снизу послышалось:

– Аствац им!¹⁴ Иди суда!

Студент спустился вниз и оторопел: перед ним на спине лежал человек с ещё густыми, но уже седыми усами. Он был

¹⁴ Боже мой!

одет в светлые шаровары и рубаху-косоворотку навывпуск, на ногах – кожаные тапки без задника. На лице Верещагина застыла маска удивления, безжизненные глаза уставились в сводчатый потолок. Вместо правой руки – пустой рукав.

– Мёртвый? – спросил Бабук.

Ардашев потрогал шею Верещагина:

– Да, остыл уже.

– Коранам ес!¹⁵ С лестница упал?

– Пока не знаю.

– Что будем делать?

– Я видел городского у Нового базара. Позови его, а я пока здесь подожду.

– Зачем городской? У Виктора Тимофеевича телефон есть. Он сто двадцать пять рупей в год за него платил.

– Тогда телефонируй.

Бабук передал лампу Ардашеву, а сам поднялся вверх.

Клим, поставив лампу на полку, повернул труп на бок. На затылке покойного выступили мозги, их след уже отпечатался на каменном полу. Он поднял рубаху, а потом поочерёдно задрал до колен каждую брючину и рукав левой руки. Ни на туловище, ни на голнях ушибов не имелось, да и одежда была чистая.

Ардашев огляделся. Небольшая комната была заставлена деревянными полками. На них лежали разные предметы, до-

¹⁵ Коранам ес (*арм.*) – чтобы я ослеп. Фраза выражает сочувствие, подразумевая: «Лучше б я ослеп и не видел этого горя».

бытые, судя по всему, в результате археологических раскопок: бронзовые и керамические сосуды, наконечники стрел, фигурки из бронзы, монеты, два кинжала и меч. У ножки одной из полок он поднял бронзовый наконечник стрелы, вероятно упавший. Правда, поднеся его к другим наконечникам, Клим заметил некоторую разницу. Видно, мастер из далёкого бронзового века выливал его совершенно в другой форме, не имеющей четвёртого оперения, но зато с крючком сбоку. Сам не зная зачем, он сунул его в бумажник. Затем, взяв лампу, студент осмотрел ещё три комнаты, и там тоже вдоль стен были установлены полки с различными экспонатами, главным образом с археологическими находками.

Поднимаясь вверх, студент обследовал ступени и перила лестницы. На одной ступеньке он заметил белую пыль. Наклонившись и осветив лампой, понял, что это был мел.

Из комнаты доносился голос Бабука:

– Дук хасканумек русерен?¹⁶ Воч?¹⁷ Я тебе, полиция, на русский язык повторяю: Казанская сто один. Верещагин Виктор Тимофеевич умер. Хороший человек нет теперь... Меня зовут Бабук Гайрабетов, приказчик на «Аксае», контора служу. Сын купца Тиграна Гайрабетова, его брат, мой дядя Карапет... в Ростове театр построил¹⁸. Знаешь? Город-

¹⁶ Вы по-русски понимаете? (арм.)

¹⁷ Нет? (арм.)

¹⁸ Деревянный театр находился на пересечении улицы Большой Садовой и Николаевского переулка (ныне проспект Семашко), построенный в 1863 году на

ской голова в Нахичевани был, знаешь? Весь Ростов, Таганрог и Нахичевань знает, а ты нет? Гайрабетов Бабук я. Поня-ял? Записа-ал? Приезжай. Мы все ждём тебя.

Он положил трубку и, повернувшись, бросил в сердцах:

– Эш¹⁹ этот полиция! Простой слов не понимает. Сказал скоро приедет.

– А ты хорошо знал Верещагина?

– Очень, – вздохнул приказчик и добавил с грустью: – Огис лацум э... Мой душа плачет.

– Он один жил?

– Жена его умер. Детей нет. Он добрый был, деньги в долг давал, – произнёс он и, пожав плечами, добавил: – Совсем маленький процент брал. Сосед с третий этаж много у него занимал. Потом в Дон река утонул. А он жена его помог паминка делать. Какой человек был!

– Давно схоронили?

– Нет. Неделя позади.

– Надо говорить «неделю назад».

– Прости.

– Стало быть, расписки должников у него остались? Векселя?

– Э, канешна! В кабинете. Там толстый конторский книга.

Он мне, как сыну, доверял. Но почему ты хочешь всё знать?

средства Карапета Гайрабетова и Марка Драшковича с получением последующей субсидии из городского бюджета. В 1896 году здание снесли и на его месте построили здание Городской думы, стоящее и поныне.

¹⁹ Осёл (арм.).

– Я уверен, что его убили.

– Как! Я этот убийца двумя руками задушу! – вскричал

Бабук.

– У нас говорят «двумя руками».

– Хорошо, мгу и двумя... Как думаешь, кто он такой?

– Это я и хочу выяснить.

– Тогда пошли, я тебе всё покажу.

– А тут явно кто-то хозяйничал. Ящики стола выдвинуты. Даже бельё в шкафу перерыто. Смотри, в пепельнице два окурка от крученых папирос «Трезвон», пепел и шведская спичка. «Папиросы «Трезвон» – три копейки вагон», – усмехнулся Клим. – Дешевле не бывает. А Верещагин курил?

– Да.

– А какие он предпочитал папиросы?

– Он трубка курил. Вон она стоит на подставка, видишь?

– Тогда эти папиросы курил убийца... Смотри, шведская спичка интересная, красная.

– Красный, потому что фонарь красный. Такой спичка в публичный дом ест, на Тургеневский улица. Бесплатно дают.

– А ты откуда знаешь?

– Оттуда.

– Ясно, – улыбнулся студент.

– Верещагин посещал такие заведения?

– Ты что? Зачем? У него же Мария ест, она и горничная, и любовница тоже, я так думаю. Красавица!

– Тогда получается, что спичку оставил преступник, да?

– Канешна!

– А где долговая книга?

– Вот. – Бабук снял с книжной полки фолиант, переплетённый как обычный книжный том, и протянул Ардашеву. –
Смотри сколько хочешь.

– Что ты мне дал? «Граф Монте-Кристо»?

– Э, какой такой граф-мраф? Эта обложка только.

– Ого! Здорово придумано! – присаживаясь за стол, воскликнул Клим. Он листал страницу за страницей, переписывая данные на чистый лист. Закончив, он сказал: – Так-так... Картина ясна. Тех, кто с ним рассчитался, он вычёркивал. На каждого человека Верещагин отводил четверть листа. Дописывал, если решал, что срок возврата долга можно продлить. Да он почти всем шёл навстречу! Правда, вот я вижу деньги вернули в срок. Самая большая сумма займа была восемь тысяч... Вот и тут он ещё помечал... А того, который умер, как звали, не помнишь?

– Как не помнишь? Канешна, помнишь! Он же сосед, третий этаж, – выговорил приказчик и, почесав затылок, добавил: – Забыл. Его звали, как птица зовут...

– Соловьёв?

– Нет.

– Скворцов?

Бабук покачал головой.

– Воронов? Воробьёв? Попугаев?

– Попугаев зачем говоришь? – возмутился толстяк и взмахнул руками. – Это не наша птиц совсем... А! Вспомнил! Куроедов Андрей Петрович.

Ардашев опустил глаза на список и заметил:

– Вот он пять тысяч занял.

– И умер.

– Можно было подать в суд и взыскать с жены, матери.

Они же наследники.

Бабук покачал головой:

– Нет, не сделал бы он так. Сильно добрый был антикварий²⁰.

– Тебе видней, – согласился студент. – Но знаешь, странное дело получается... Самвел Багдасарян, что этажом выше, тоже в должниках у Верещагина. И сумма у него больше – семь тысяч рублей.

Приказчик хлопнул руками и воскликнул:

– Получается, он совсем букашка? Деньги занимал у Виктор Тимофеевича, а разговаривал со мной как царь?

– Более того, этот «царь» ещё и долги вовремя не возвращал, и у него набегали весьма солидные проценты за просрочку.

– А что, если он и убил Виктор Тимофеевича? – вымолвил Бабук и повернул голову на шум в передней. Оттуда слышались шаги, и Клим едва успел сунуть исписанную бумажку в карман.

²⁰ В те времена вместо слова «антиквар» чаще употребляли «антикварий».

Глава 4

Допрос

Ардашев сидел в следственной камере²¹ без жилетки. А этому предшествовало следующее: приехавший полицейский начал сразу обыскивать Бабука и Клима. К приказчику вопросов не возникло, а вот после того, как у студента обнаружили пятьдесят тысяч рублей, предназначавшиеся Верецагину, а потом ещё и револьвер, его задержали. Никакие объяснения на старшего околоточного первой части не подействовали. А утверждения Ардашева, что управляющий «Аксая» был убит, а не погиб в результате несчастного случая, ещё больше разозлили полицейского, и тот протелефонировал судебному следователю первого участка, который вскоре и явился.

Немолодой, начинающий грузнеть чиновник, немногословный, но старательный, дослуживал в этой должности последние годы, мечтая через пару лет уйти в отставку и, получив приличный пенсион, удалиться в собственное имение под Екатеринодаром. К тому же, согласно недавнему преобразованию следственной части, судебным следователем мог стать лишь выпускник высшего учебного заведения, прослуживший на государственной службе по ведом-

²¹ Так назывался кабинет судебного следователя.

ству Министерства юстиции не менее шести лет и «выказавший свои способности». Надворный советник Александр Иванович Валенкамп высшего образования не имел, но с обязанностями справлялся и был на хорошем счету у председателя Таганрогского окружного суда, под чьей юрисдикцией находился не только Таганрог, но и Ростов, Нахичевань, Бердянск и Мариуполь. Он походил по комнатам, выкурил папиросу и, выслушав полицейского, приказал доставить труп к прозектору, а Клима и Бабука – к нему в камеру. Последнего он уже отпустил. Теперь была очередь Ардашева, но следователь не спешил и дописывал протокол допроса Гайрабетова. Наконец он положил перо на подставку и, подняв глаза, сообщил:

– Мы уже получили ответную телеграмму из Ставрополя от тамошних полицейских. Ваш папенька подтвердил то, что вы поведали полицейскому насчёт поставки земледельческих орудий. Деньги мы вам вернём. И тот факт, что ваш отец служил вместе с господином Верещагиным, тоже не вызывает сомнений. Гайрабетов уверяет, что может показать переписку вашего отца с покойным. Он же рассказал мне, что мойщики вас обобрали в поезде. И мы, связавшись с жандармами, убедились в правдивости его слов. Свидетельство²² на ваш револьвер в порядке и подтверждено. Мы его вам отдадим. – Судебный следователь пожевал губами и

²² Свидетельство – разрешение на приобретение оружия и подтверждение об оплате гербового сбора.

спросил: – У меня к вам два вопроса. Первый: с чего вы взяли, что Верещагина убили? Всё говорит об обратном. Споткнулся на лестнице и упал. Пожилой человек. К тому же без правой руки, а перила только с одной стороны, с правой. Подниматься ещё куда ни шло, а спускаться совсем тяжко.

Ардашев пожал плечами и ответил:

– Как известно, в случае падения с лестницы на одежде, особенно на брюках, остаются поперечные следы от ступенек, которые не бывают идеально чистыми. Такие же полосы должны быть и на верхней одежде – в данном случае на рубаше. Лестница не маленькая – двенадцать ступенек. Даже если лететь сверху, всё равно рухнешь и следы останутся. Но таковых на одежде покойного нет, как не имеется ссадин или синяков, образующихся в результате удара о те или иные части лестницы. Признаюсь, я осмотрел тело, насколько это было возможно. Также я не обнаружил ни следов волос, ни крови на перилах и ступеньках. И самый главный момент – на затылке черепные кости пробиты настолько, что вышла мозговая субстанция. Но её нет больше нигде, только на полу – там, где лежал труп. Замечу, что такой характер поранения бывает при ударе тупым предметом. Точка приложения сего орудий убийства понятна и сомнений не вызывает – затылочная кость. А тапки? Ни один не слетел, хоть и без задников. Если бы покойный потерял равновесие и упал, они бы валялись в разных частях подвала.

– Резонно, – заметил следователь и, достав папиросу, за-

курил. – Посмотрим, что скажет прозектор. Заключение будет только завтра.

– Простите, не могли бы вы вернуть мне мои папиросы. Чертовски хочется курить.

– Ах да, конечно. Ваши вещи и деньги сейчас принесут. Примите по акту. Сейчас писарь как раз его и составляет. Придётся немного подождать, пока нумера купюр переписут. Но я уже распорядился. Вы угощайтесь пока моими. «Анненков»²³. Табак отличный. А вот и спички. Прошу.

– Благодарю. – Ардашев с удовольствием затянулся и спросил: – А вы изъяли два окурка «Трезвона», что в пепельнице лежали?

– Выемка вещественных доказательств произведена, они укупорены, как положено.

– Пепел надобно обязательно взвесить. Потом взять две такие же папиросы, выкурить и тоже взвесить исключительно пепел. Если вес совпадёт, значит, именно эти папиросы злодей и курил. Позже это поможет выстроить детальную картину преступления. И шведская спичка важна. Она же необычная, красная. Говорят, такие в публичных домах раздают. Реклама домов терпимости запрещена, так они таким путём решили о себе напоминать.

Судебный следователь улыбнулся и спросил:

²³ Папиросы «Анненков» были выпущены в честь генерала М. Н. Анненкова, руководившего строительством Закаспийской военной железной дороги, основная часть которой была закончена в 1888 году после открытия моста через Амударью и открытия сообщения с Самаркандом.

– Вы, как я понимаю, на юридическом факультете учитесь?

– Я там всего два курса окончил, а потом перешёл на восточные языки, – выпустив с наслаждением струйку дыма, объяснил Клима. – Хочу мир посмотреть: Константинополь, Александрию, Калькутту...

– Эка хватили! – улыбнулся Валенкампа. – В Индию собрались! Как Налбандян?

– Простите? Как кто?

– А вы о нём не слыхали?

– Нет.

– Как же! О нём в наших краях все знают. Ещё в конце прошлого века один богатый армянин из Калькутты завещал своё состояние магистрату Нор-Нахичевану, а через шестьдесят лет Микаэл Налбандян сумел добиться в индийском суде его фактического получения, и теперь деньги рекой текут в Нахичевань из Калькутты. Завещатель оставил после себя действующий порт, магазины, гостиницы. Управляет всем попечительский комитет, который и шлёт рупии в Россию. А Налбандян ударился в социализм, был под следствием в Петропавловской крепости и умер в ссылке. Он похоронен на кладбище здешнего армянского монастыря Сурб-Хач²⁴. Старое дело. Им ещё Третье отделение занималось.

²⁴ Церковь монастыря Сурб-Хач (Святой Крест) заложена в 1783 году и являлась самым первым каменным зданием Нахичевани. Стены монастыря были украшены хачкарами (хачкар – армянский религиозный памятник в виде каменной стелы с изображением креста и различными резными узорами), привезён-

Он хотел поднять зейтунских армян на восстание против турок и заодно анархию в России установить. Ездил к друзьям в Лондон, к Герцену и Огарёву. Все эти освободители хорошо начинают, да плохо заканчивают. Ну их! – с досадой изрёк надворный советник и затушил папиросу в пепельнице из черепашьего панциря. – Имя Налбандяна запрещено даже упоминать, но армяне его любят и чтут.

– Надо же! – покачал головой Ардашев. – Наследство из Калькутты. А большое?

– Миллионы! Да вы расспросите своего друга. Он вам взахлеб расскажет... Что-то разболтался я с вами... А в судебной медицине, вижу, вы неплохо разбираетесь.

– Часто бывает, что она помогает найти ключ к разгадыванию преступлений. Я посещал свободные лекции по этой дисциплине на медицинском факультете.

– А вот теперь, господин студент, перейдём ко второму вопросу. Итак, мы нашли у вас лист бумаги с записями. Вы

ными из Крыма переселенцами на арбах. В монастыре была дверь IX века, украшенная резным орнаментом, также привезённая из Крыма, но ранее она была дверью храма в городе Ани – столице средневекового армянского государства. Монастырю принадлежали земли в округе – 457 десятин земли (500 га). В советское время монастырь был разрушен почти полностью, хачкары и та самая дверь утрачены. Осталась только церковь, которую спасли армянские интеллигенты, разместив в ней музей русско-армянской дружбы. Эта церковь существует и поныне в Ростове-на-Дону. Удалось сохранить и рукописное Евангелие 1347 года, переданное в церковь Святого Георгия в Нахичевани, которую позже тоже разрушили. На кладбище монастыря Сурб-Хач нашли свой последний приют многие известные деятели армянского народа.

пояснили, что делали выписки из конторской книги, где указаны должники покойного. Зачем они вам?

– Я хочу отыскать убийцу Верещагина.

– Ого! Звучит громко! Вы что же, сыщик? – удивлённо поднял брови надворный советник.

– Нет, но мне интересно распутывать клубки тайн и преступлений.

– И есть чем похвастаться?

– Не знаю, будет ли вам интересно, – неуверенно проговорил Клим.

– Отчего же, с удовольствием послушаю.

– В позапрошлом году я был в Лондоне и помог полиции в поиске убийцы. Скотленд-Ярд прислал благодарность в мой университет.²⁵ А в прошлом году в Ставрополе мне тоже повезло, и я нашёл преступника. Он теперь на каторге.

– Что вы говорите? Неужели? – махнул редкими кудрями следователь, и на мундир посыпалась перхоть.

– Вы можете справиться у нашего полицмейстера Залевского. Он всенепременно подтвердит.

Стряхнув с плеча мелкие белые частицы, Валенкамп изрёк недовольно:

– А вы отдаёте себе отчёт в том, что собираетесь заниматься запрещённой деятельностью? Мы не Британия и не всякие там Северо-Американские Соединённые Штаты. У нас частный сыск не разрешён.

²⁵ Об этом читайте в романе «Убийство под Темзой».

– А я, ваше высокоблагородие, вам мешать не буду. Более того, в случае появления каких-либо основательных подозрений первым делом к вам и заявлюсь и расскажу о всех своих догадках. Если позволите, начну прямо сейчас.

– Что ж, давайте. Послушаю.

– Убийца пришёл к Верещагину ночью. Об этом свидетельствуют два факта: закрытые ставни подвала (их хозяин уже успел затворить до наступления темноты. А в том, что утром он их открывает, нет никакого сомнения, так как в самом подвале нет даже потолочной керосиновой лампы и днём выручает только солнечный свет) и задёрнутые портьеры в комнатах. Они сидели за столом и курили. Отношения между этими двумя людьми были не очень хорошие, потому что нет ни чайных стаканов, ни рюмок, ни бутылки или графина. Разговор между собеседниками носил натянутый характер – это следует из того, что дымил только гость, а хозяин ждал, пока он покурит и наконец уйдёт, но тот не спешил и принялся за вторую папиросу, вероятно что-то обдумывая. Потом они пошли в подвал. Первым с лампой шагал Верещагин, а убийца – позади. Когда они спустились и Верещагин поставил лампу на полку, злоумышленник нанёс ему удар по затылку. Думаю, что это был кистень. Вероятно, он спрятал его под пиджаком. От удара хозяин повалился на полки, с них посыпались разные бронзовые экспонаты, в том числе и наконечники от стрел. Один из них я поднял. Он в моём бумажнике. И я собирался вам его отдать. Заме-

чу, что этот законечник отличается от тех, что были выставлены. Его оперение состоит не из четырёх, а всего лишь из трёх частей и имеет своеобразный шип. Не исключаю, что его принёс преступник и Верещагин разглядывал этот предмет. Возможно, последовал и второй удар в область затылка. Убедившись, что жертва мертва, убийца положил его на спину под лестницу, а потом собрал с пола археологические находки и разложил их на полке, но кое-как, в беспорядке, то есть не так, как лежат предметы на других полках – рядами. Я заметил это, когда их осматривал. Потом убийца начал искать долговую книгу, но не нашёл. Откуда ему было знать, что Верещагин переплёл её в обложку романа Александра Дюма «Граф Монте-Кристо» и держал в книжном шкафу. Естественно, он рылся в его вещах, ища деньги, но сдаётся мне, что ничего не нашёл, потому что такие люди, как Верещагин, обычно весь капитал держат в банке. Весьма вероятно, что преступник задолжал покойному круглую сумму. Я был бы вам очень признателен, если бы вы вернули мне лист с записями должников убитого. Это позволит мне быстрее отбросить неверные гипотезы и приблизиться к раскрытию преступления.

Чиновник слушал Ардашева с лёгким изумлением, как ученик, которому рассказывают что-то новое и доселе неизвестное. Когда Клим замолчал, он прокашлялся и сказал:

– Что ж, вы молодец. Прямо мысли мои прочли. Наш медик тоже склоняется к тому, что Верещагин был убит вче-

ра ночью. Я не представился – Александр Иванович Валенкамп. Судебный следователь первого участка. В мундирах, вижу, вы разбираетесь и чин мой верно назвали. Величайте меня просто по имени-отчеству... Так и быть. Верну вам эту бумаженцию... Смотрел её. Получается, что из всего списка бывших должников Верещагина остались лишь двое. Мы их алиби, естественно, проверим. Вы не сомневайтесь. Однако дело может оказаться гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд. Убийцей мог быть человек вообще никак не связанный с долгами покойному. В комнатах, как вы верно заметили, явные следы обыска. Искали что-то ценное. Нашли или нет – неизвестно. У Верещагина никого не осталось, кто бы мог заявить о пропавших ценностях или деньгах. Горничную мы, конечно, опросим. – Чиновник подобному улыбнулся в усы и сказал: – Впрочем, мы с вами разговорились. А служба не ждёт. Я внесу нашу беседу в протокол. Не полностью, конечно. И хорошо, что бронзовый наконечник от стрелы не утаили. Я всё ждал, скажете вы или нет... После окончания формальностей пройдёмте в соседнюю камеру. Вам вернут деньги и остальные вещи. Если хотите – можете ещё поднять. – Он придвинул папиросы. – Угощайтесь, не стесняйтесь...

Валенкамп подложил под почтовый лист копирку, и стальное перо закрипело по бумаге. Следователь настолько умело выводил строчки с завитушками, что казалось, он всю жизнь работал гравёром, а не служителем закона. Клим не

постеснялся и вновь закурил чужой табак. Волнение утихло. «Трудный день, – подумал ставрополец. – А впрочем, он и начался невесело ещё в поезде. Посмотрим, что же будет дальше».

За окном уже опустились сумерки, и где-то в ветвях надрывно кричал сыч-бедоносец.

Глава 5

Полицмейстер

Надворный советник Святослав Алексеевич Бартошевич возглавлял полицейское управление Ростова и Нахичевани-на Дону не первый год. К своим пятидесяти с небольшим он несколько раздобрел, что не могло не бросаться в глаза. Щёки, обрамлённые седыми бакенбардами, слегка отвисли, будто с двух сторон у него было по флюсу. Усы, некогда густые, стали отчего-то сыпаться и теперь напоминали щетину старой щётки, которая уже кое-где повылезла из деревянной ручки. Да и глаза не то чтобы потускнели, а скорее помутнели и всё чаще слезились, как у старого орла. Но в душе он чувствовал себя полным сил двадцатипятилетним коллежским регистратором, а с хорошей закуской да на свежем воздухе мог выкушать за вечер полуштоф²⁶ столового сорокаградусного вина²⁷. Но чего греха таить – головушка под утро гудела, как паровая землечерпалка на Азовском гирле, а сердце выбивало всеми четырьмя клапанами такой краковяк, что едва хватало воздуха. Но он хорохорился и на расвете набивал табаком трубку. Сделав две-три затяжки, покрывался холодным потом и затем жадно пил из ковшика во-

²⁶ Полуштоф – 0, 61 л.

²⁷ Так называли водку.

ду, успевшую за жаркую ночь нагреться и набраться металлического привкуса от железного ведра с точками ржавчины на дне. Прошлѣпав босыми ногами к кровати, Бартошевич натягивал на себя летнее одеяло, с завистью глядя на улыбающуюся во сне жену, истово ненавидящую спиртное.

Полицмейстер курил трубку, глядя в окно на уличную суету Скобелевской улицы. Городовой за шкурку тащил в участок пойманного мальчугана лет тринадцати, очевидно базарного воришку. Надворный советник покачал головой и, грустно вздохнув, сел за стол. А сокрушаться ему было о чём. Преступность в городе расцвела таким буйным цветом, что даже городской голова Леванидов не выходил теперь из дома без револьвера. А виной всему, как бы это парадоксально ни звучало, был быстрый экономический рост Ростова-на-Дону, ставшего главным городом Донской области и Приазовского края. Город не только находится в устье большой судоходной реки, связанной с одной стороны с Азовским морем, а с другой с Волжским бассейном, он ещё и соединяет три протяжённые ветви Курско-Харьково-Азовской, Козлово-Воронежско-Ростовской и Ростово-Владикавказской железных дорог. Поэтому именно здесь производится ссыпка и перегрузка миллионов пудов зернового товара, отправляемого за границу. Тут же, на так называемых «мойках», промывается несколько сот тысяч пудов шерсти. Для выполнения этих работ в Ростов и Нахичевань ежегодно прибывает от пятидесяти до восьмидесяти тысяч иногородних душ.

И за всем этим людским сбродом нужен усиленный надзор, ведь территория ответственности полицмейстера включает не только Ростов, но и Нахичевань, то есть почти десять квадратных вёрст. На этой площади находится более восьми тысяч жилых домов с проживающими в них коренными ростовцами²⁸ и нахичеванцами общим числом в сто четыре тысячи человек (Ростов – восемьдесят шесть тысяч, и Нахичевань – восемнадцать)²⁹. Только кроме частных домов полиции приходится следить ещё и за порядком в городских общественных зданиях, присматривать за базарными площадями и разного рода складами, фабриками и заводами. А окраины? Богатый Источник³⁰, Байковский хутор³¹, Затемерницкое предместье³², Новое поселение (Нахаловка)³³? Бес-

²⁸ В те времена жителей Ростова-на-Дону называли ростовцами.

²⁹ В зону ответственности полиции Ростова-на-Дону входила и Нахичевань-на-Дону.

³⁰ Богатый источник, или Богатый колодезь, – район Ростова-на-Дону, названный так в честь расположенного там родника. Центр района проходил по Богатынскому переулку, ограниченному с западной стороны Малым проспектом (сегодня Чехова) и Ростово-Нахичеванской межей (сегодня переулок Театральный) с восточной. Северная граница проходила по улице Никольской (Социалистической). За ней начинался уже другой район – Крепость.

³¹ Байковский хутор (Собачий хутор) – северо-восточный район Ростова-на-Дону, населённый беднотой. Назван в честь городского головы Байкова, сумевшего остановить незаконную застройку в этой части города.

³² Затемерницкое предместье, или Бессовестная слободка, – район Ростова-на-Дону, расположенный на правом берегу реки Темерник на склоне возвышенности, спускающейся до межи станицы Гниловской.

³³ Рабочий район на северо-западной окраине Ростова-на-Дону. Первоначаль-

прерывные пьяные буйства то и дело вспыхивают на пристанях, на Новом и Старом базарах, на Ярмарочной площади, около питейных и публичных домов. Последние располагаются главным образом на Тургеневской улице, хотя известный русский писатель, почивший семь лет тому назад, никогда не был приверженцем продажной любви. «Можно ли успешно бороться с уличной преступностью, имея штат нижних чинов полиции такой же, как и в маленьком Новочеркасске?»³⁴ – мысленно спрашивал себя полицмейстер. – Двести полицейских в столице Донской области и двести в Ростове – разные вещи».

Для облегчения управления город разделили на четыре полицейских участка, и каждый пристав, заведующий отдельным участком, имеет теперь не по одному, а по два поно заселялся золотарями (ассенизаторами). Находился между рекой Темерник и городскими свалками нечистот.

³⁴ Новочеркасск – административный центр области Войска Донского в 1890 году. Первоначально в область входило семь округов: Черкасский, 1-й Донской, 2-й Донской, Донецкий, Усть-Медведицкий, Хопёрский и Миусский. 27 января 1884 года в районе задонских степей из бывшего Калмыцкого округа был образован Сальский округ с окружным центром в станице Великокняжеской. 19 (31) мая 1887 года, согласно мнению Государственного совета, утверждённому императором Александром III, к области Войска Донского присоединили территории, ранее входившие в Екатеринославскую губернию: упразднённое Таганрогское градоначальство и Ростовский уезд, включая города Ростов-на-Дону и Нахичевань-на-Дону, посад Азов и бывшее укрепление Ейское (ныне село Ейское Укрепление Щербиновского района Краснодарского края). В сентябре 1887 года окончание передачи было отсрочено до 1 (13) января 1888 года. На вновь приобретённых землях и на базе Миусского округа создали ещё два новых округа: Таганрогский и Ростовский.

мошника, за исключением околоточных надзирателей, численность которых требует значительного пополнения. «Чем занимается пристав? – продолжал рассуждать про себя надворный советник. – Приёмом и отпуском людей, имеющих какое-либо отношение к части. А его помощники? Чаше всего они корпят над разными канцелярскими делами (перепиской, ревизией) и большую часть времени проводят в стенах части. Лишь некоторые привлекаются к дознанию. Старший околоточный надзиратель следит за явкой и свидетельствованием паспортов. И только небольшой состав городских с одним или двумя околоточными во главе командируются в обход по всему городу. Таких патрулей недостаточно. Что касается дежурных городских, стоящих на перекрёстках и оживлённых улицах, то их малое количество не позволяет уследить преступления даже в одном околотке³⁵... А что собой представляют ростовские полицейские участки? Один только третий участок имеет более семидесяти гостиниц и ресторанов! Это ж сколько приезжих там обретается? Да и первый со вторым тоже не маленькие. Именно здесь и селится чернорабочий перекасти-поле люд».

Раздался стук в дверь, и на пороге кабинета застыл в вопросительной позе с папкой в руках секретарь – сухощавый и тощий, как восклицательный знак, чиновник в пенсне и

³⁵ Околоток – район города, находящийся на территории полицейского участка (обычно 3–4 тысячи жителей) подведомственный в полицейском отношении околоточному надзирателю, которому подчинялись городские и дворники.

усаами подковой.

– Входите, входите, Терентий Филиппович. Давно жду вас. Садитесь. Что там в суточной сводке? Чем на сей раз огорчите?

– Второго дня за городом, близ сенников, найден труп неизвестного с признаками насильственной смерти: пробита голова, отрезан нос и уши, выколоты глаза, распорот живот. Покойного пытали. Он, по-видимому, что-то проглотил, – перебирая листы бумаги, докладывал подчинённый. – Вот поэтому убийцы и выпотрошили желудок. Личность установить невозможно.

– Каторжный? Беглый?

– Судя по наколке «Съ нами Богъ!» и «Сахалинь» – да.

– Свои же и порешили. Что ещё?

– В Нахичевани также второго дня в глухом безлюдном месте найден труп вдовы ставропольского мещанина Кочетова – Анны Кочетовой, пятидесяти девяти лет. Произведённым дознанием установлено, что смерть произошла от падучей болезни.

– И что её к нам занесло?

– К сестре приехала погостить.

– Дальше, – пыхнув трубкой, велел начальник.

– Самоубийство актёра Асмоловского театра Эдуарда Олесневича, двадцати двух лет. Труп нашли на берегу Темерника. Лицо обезображено в результате выстрела в лоб. Револьвер лежал тут же. В кармане – предсмертная запис-

ка. Причина суицида в безнадёжной, как он считал, любви к пятнадцатилетней красавице Анне Свирской, дочери купца второй гильдии. Актёр сделал ей предложение и написал, что, ежели не получит положительного отклика в течение трёх дней, застрелится. Предложение девица приняла, но ответ пришёл на четвёртый день. Почта припоздала.

– Дурак.

– Совершенно верно, ваше высокоблагородие.

– Продолжайте.

– Мошенничество с обувью. В «Обувной магазин Зайдмана» на Большом проспекте заявился прилично одетый молодой человек и попросил прислать в номер девять гостиницы «Европа» десять пар кожаных штиблет для выбора из них подходящих ему и двум его товарищам, которые вместе с ним квартируют в этой гостинице. Приказчик вскоре послал в названную гостиницу десять пар обуви вместе с мальчиком своего магазина. Упомянутый молодой человек встретил посланца у входа в «Европу», взял у него свёрток со штиблетами и приказал ему принести ещё несколько пар сатиновых штиблет, так как он с товарищами желает приобрести и такие. Мальчик ушёл в магазин, а по возвращении в гостиницу узнал, что номер девять действительно занят прилично одетым молодым человеком, но совсем не тем, которому он передал обувь и никаких друзей у него нет, да и в магазин Зайдмана он не заходил. Понятное дело, десять пар кожаных штиблет исчезли вместе с мошенником. Приметы последне-

го разосланы по Ростову и Нахичевани.

– Ищи ветра в поле, – выпустив дым, выговорил полицмейстер.

– Утопленника рыбаки сетями вытащили. Думали сначала, что это пропавший ранее и уже похороненный мещанин Куроедов.

– Что значит «уже похороненный»?

– Неделю назад на берегу Дона нашли его одежду и паспорт. Судя по всему, решил искупаться и утонул. Вот жена и схоронила его, как и положено, опустив в могилу гроб с личными вещами покойного.

– Она опознала труп?

– В том-то и дело, что нет. Лицо и тело настолько сильно изъедены раками, что определить внешность положительно невозможно. Вроде бы и по комплекции подходит, а вроде бы и нет. Тело раздуто. Забирать останки отказалась. Сказала, что уже один раз простилась с мужем и второй раз оплакивать его не будет. Тем более что нет уверенности в том, что это он. Пришлось выловленного в реке бедолагу похоронить как безымянного.

– А потерпевших от карманных краж, надеюсь, не прибавилось?

– К сожалению, марвихеры ещё двоих обобрали. Нахичеванского купца Чапхунова и мещанина Жирноклеева. У последнего в «Театре семейного сада» в антракте комедии «Шутка в горах Кавказа» сняли с цепочки золотые часы. А

Чапхунов находился рядом с собором во время перенесения святой иконы. Во внутреннем кармане с правой стороны у него лежал бумажник с одной тысячей рублей. Опасаясь воров, он в собор не входил, а стоял на площади в толпе и всё время держал руку на кармане. Как только икону вынесли, и народ пришёл в движение, он, подняв руку, трижды перекрестился, а когда опустил её – бумажника на груди уже не оказалось.

– Мастера! – выдохнул полицейстер и, положив трубку в пепельницу, осведомился: – У вас всё?

– Нет. Вчера на Казанской, 101 найден труп отставного полковника Верещагина.

– Это который собирался частный музей в городе открыть?

– Да.

– И у кого же рука поднялась на старика?

– Верещагин, уйдя в отставку, стал управляющим на «Аксае». Разбогател и давал деньги под проценты. Не исключено, что его убил кто-то из заёмщиков. Тело обнаружил студент Ардашев, приехавший к нему из Ставрополя по коммерческому делу для закупки сельскохозяйственных орудий на пятьдесят тысяч рублей. С ним находился приказчик Гайрабетов, подручный Верещагина.

– Сын купца, что театр построил?

– Нет, он его племянник, а сыном приходится Тиграну Гайрабетову.

– Ясно. Дальше.

– Покойный лежал в подвале. Помощник пристава первой части посчитал, что произошёл несчастный случай. Дело в том, что Верещагин потерял правую руку на последней войне с турками. По всему было видно, что он упал с лестницы и ударился о ступеньки затылком, что и явилось причиной смерти. На место происшествия прибыл судебный следователь Валенкамп. Но во время допроса Ардашева выяснилось, что по ряду признаков произошло убийство.

– Что значит «выяснилось»? Кем выяснилось?

– Ардашевым. Он высказал соображения, которые потом подтвердил наш врач. Я читал копию протокола его допроса. Следователь передал нам. Действительно, как считал студент, Верещагина ударили по затылку тупым предметом, возможно кистенём. По всей видимости, убийство с целью ограбления. В комнатах всё верх дном перерыто.

– Что ж это получается? Студент сразу понял, что произошло убийство, а полицейский нет? Кто ведёт дознание?

– Старший околоточный надзиратель первой части Кузьма Бычехвист.

– Странно, – покачал головой полицмейстер, – опытный служака, а не сразу разобрался... А хорошие новости есть?

– В ночлежном доме Мордашева по распоряжению пристава второго участка задержан крестьянин Трофим Решетников, заподозренный в крупных кражах, подделке и сбыте

ложных видов на жительство и намерении произвести убийство с целью грабежа мещанина Давида Климберга. Означенным приставом было установлено негласное наблюдение за Решетниковым две недели тому назад. При обыске у задержанного оказались две поддельные печати, вырезанные на старинных двухкопеечных монетах: одна «Вольского мещанского старосты Саратовской губернии», а другая – «Александровского волостного правления», а также железное долото, большой железный гвоздь с приделанною к нему деревянную ручкой, орудия для совершения взлома и вагонная свинцовая пломба станции Кущёвка Ростово-Владикавказской железной дороги.

– Хорошо.

– И в Нахичевани арестовали банду из семи человек, занятую подделкой ценных бумаг с помощью литографии. Изъяли камень, отпечатанные заготовки и фальшивые векселя «Донского земельного банка».

– Армяне?

– Четверо армян, один грек и два еврея.

– Ничего себе гоголь-моголь! – дёрнул подбородком полицмейстер. – Купаж – не приведи Господь! Сядешь с такими за ломберный стол – без порток останешься.

– Один армянин оказался беглым. Кассир-растратчик. И вы правы – двое евреев были ранее осуждены за картёжное мошенничество, а теперь вот занялись подделкой. Четверо пойдут по этапу впервые... У меня всё.

– Держите меня в курсе дознания по убийству этого... как его... однорукого отставного полковника.

– Верещагина.

– Вот-вот.

– Слушаюсь, ваше высокоблагородие.

– И принесите-ка мне копию протокола допроса этого парня...

– Ардашева?

– Да.

– Совсем запамятовал, – виновато выговорил секретарь. – Пришло сообщение из жандармского железнодорожного отделения. Студента этого, Ардашева, второго дня обобрали в поезде. Украли саквояж. Правда, он у него был для отвода глаз. Деньги – пятьдесят тысяч – студент зашил в трёх потайных карманах жилетки. Воры не доглядели.

– Хитёр!

– Револьвер, паспорт и триста рублей мойщики не тронули.

– Это понятно, – усмехнулся полицмейстер. – А знаете почему?

– Позвольте полюбопытствовать?

– Узнай жандармы об этой мелочной краже, они немедленно бы и с превеликим удовольствием разнесли бы сию новость через кондукторов по всем станциям Владикавказской железной дороги. Мол, мойщики теперь карманными кражами промышлять стали, а марвихеров побоку пустили. После

этого последние собрали бы воровскую сходку, и виновных бы, скорее всего, прирезали... за жадность и нарушение договорённостей.

– Воровская честь не позволила?

– Нет у жуликов никакой чести и отродясь не было! Есть только животный страх. Воровскому слову цена – один чих и три плевка.

– Вы совершенно правы, ваше высокоблагородие.

– А насчёт студента этого... как его?

– Ардашева?

– Узнайте, где остановился. Если появится что-то интересное – докладывайте. Сдаётся мне, что этот парень не так прост, как кажется.

– Так точно-с. Разрешите идти?

– Ступайте. Не буду вас от службы отвлекать. Дел-то не впроворот.

Когда секретарь удалился, надворный советник потянулся к трубке. Но она потухла. Раскурив её заново, он почувствовал горький вкус турецкого табака и вместе с ним чувство неловкости от того, что при подчинённом он то и дело забывал произнесённые фамилии, точно старик, страдающий слабоумием. «Надобно травок каких-нибудь на Старом базаре купить да пропить или к провизору Цукерману за микстурой зайти, что на Пушкинской, у кумысной будки. Негоже так память запускать. Негоже».

Глава 6

Дама под пальмой

I

Свет газового фонаря отражался в окнах унылого двухэтажного серого здания давней постройки, где и располагались судебные следователи Ростова-на-Дону. Увидев выходящего из дверей Ардашева с тростью и газетным свёртком, Бабук радостно вскинул руки:

– Как хорошо, Клим-джан, что тебя выпустили! Деньги все отдали?

– Да. Только надо бы их положить в сейф.

– В гостиница «Гранд-отель» сейф есть.

– Хорошо бы попервоначалу заехать в магазин и купить мыло, зубной порошок, щётку и недорогой бритвенный набор. Да и сменного белья у меня нет и носков.

– Э? Зачем лишний деньги вперёд тратить? Потом купишь, когда домой поедешь. Бриться можно у цирюльника. Обувь в гостиница чистят. Как зеркало будет. Я тебе хороший номер взял. Там всё есть: мыло, щётка, порошок для зубы и даже ванная с ватерклозет! Лучше театра Асмолова!

– Не понял?

– Купец Асмолов театр красивый построил, сцена есть, зала есть, буфет есть, шампанский тоже есть, а зукаран... ватерклозет – нет. Любой барышня и дамочка ходит в нужник. Платья большой, неудобно поднимать, дырка в пол, грязно. Убирают плохо. Важный господа и офицеры за стенка театр идут, если занято. Воняет! А у тебя в номере канализация настоящий! Цепочка дёрнул, вода смыл, потом в труба вода бежит и в яма выгребной попадает. И ванна чугун! Потому что «Гранд-отель»!³⁶

– Спасибо. А бельё-то всё равно надобно в магазине купить. И пару сорочек, и носки.

– У тебя ещё деньги есть?

– Да, триста рублей.

– Вот! В гостиница телефон имеется. Магазин телефонируй, размер свой говори в трубка, и приказчик всё принесёт. Поня-ял?

– А почему мы сами не можем заехать?

– Потому что это Ростов. Потому что у тебя пятьдесят тысяч из газета «Донской пчела» на меня выглядывают. Нас убьют очень быстро, если деньги заметят.

– Послушай, но у меня же револьвер?

– Э, ахпер-джан³⁷, прости. Ты как маленький, честно. У

³⁶ В театре Асмолова, в отличие от гостиницы «Гранд-отель», действительно не было ватерклозета, на что жаловались зрители в письмах, опубликованных в газете «Донская пчела».

³⁷ Ахпер-джан (арм.) – братишка.

них и ревалве-ер, и пистале-ет, и но-ож! Их многа-а! А мы только два. И у меня нет ни но-ож, ни даже вилка. Ты знаешь, как их тут зовут?

– Нет.

– Очень трудный русский слово, – вымолвил Бабук, поднял к потолку глаза и произнёс по складам: – Вен-те-рюшники, или серые. Ходят, как шакалы, стаями. Пять – десять человек нападают на одного. У них всегда с собой финка. Они не только деньги забирают, они прохожий одежда всю снимают. Человек совсем голый тогда по улица идёт.

– Тогда, может, лучше на «Аксай» поедем? В контору? Там деньги и оставим?

Бабук скривился, будто вместо сладкого персика в темноте укусил лимон.

– Часы есть? – спросил он. – Сколько время?

Ардашев открыл «Qte Сальтер»:

– Уже девять.

– Правильна! Кантора закрыт. У меня ключ от кантора сейф нету. Куда ехать? Только гостиница. Я тебя хороший ужин подарю. Виктор Тимофеевич поминка сделаем.

– Ну уж нет, мой отель, значит, я и плачу.

– Отель твой, а город мой. Я хоть в Нахичевани живу, но ничего. Ростов и Нахичевань – родные. Потому я тебя армянский настоящий блюда угощаю много. Виктор Тимофеевич память хочу сам делать. Клим-джан, русский язык хорошо понимаешь? А?

– А как же экономия? Ты ещё несколько часов назад предлагал мне вместо извозчика взять конку. Говорил, мол, копейка рубль бережёт.

– Э! – скривился Бабук. – Угощать хьюр³⁸ – другой дело. Гостю кушать не давать – грех большой. А тут ещё и поминка.

– Раз уж так настаиваешь – я согласен. У фонаря извозчик скучает. Едем?

– Канешна!

Клим взмахнул тростью, будто волшебной палочкой, и коляска подкатила.

Дорога не заняла много времени. «Гранд-отель» располагался на углу Большой Садовой и Таганрогского проспекта. Трёхэтажное кирпичное здание, изначально построенное как доходный дом, по праву считалось одним из самых красивых в городе. В архитектуре оно сочетало в себе совершенно разные стили, характерные для всё той же эклектики с преобладанием национальных русских мотивов. Надо отметить, что большинство зданий в Ростове-на-Дону принадлежали именно к этому модному в конце XIX века направлению в российском градостроительстве. По всему периметру здания шёл тротуар, выложенный правильным камнем. От дороги его отделяли двадцать молодых лип со стороны Таганрогского проспекта и десять – от Большой Садовой. На углу и по краям гостиницы – по газовому фона-

³⁸ Гость (*арм.*).

рю. Весь первый этаж занимали магазины и конторы: «Парижский ювелир», «Часы», «Винные погреба Бахсимьянца», «Колониальные товары» и «Галантерея». Шестьдесят номеров для постояльцев находились на втором и третьем этажах. Гость, только что въехавший в отель, мог легко заблудиться в многочисленных террасах, верандах, галереях и переходах, ведущих в читальню, ресторан или зимний сад с заморскими птицами. Самые дорогие номера смотрели на обе улицы балконами. Их козырьки и карнизы, украшенные ажурной русской резьбой, невольно привлекли взгляд Ардашева, расплачивающегося с возницей.

Услужливый привратник распахнул входные двери, а любезный портье, выдав ключ, слегка обомлел, увидев пачки ассигнаций, связанных бечёвкой, в раскрытой «Донской пчеле» на своей конторке. Пояснив желание воспользоваться гостиничным сейфом, Клим удалился в соседнюю комнату, где уже другой лакей терпеливо пересчитывал купюры под его наблюдением. Вся процедура с оформлением договора хранения наличности заняла немногим более четверти часа. Получив наконец акт, удостоверенный печатью и двумя подписями, Ардашев сунул его в карман и вышел к приказчику, дремавшему в мягком кожаном кресле вестибуля³⁹.

– Бабук, я вижу, ты устал. Да и поздно уже. Может, по-

³⁹ В описываемое время данное слово произносилось и писалось на русском языке не на французский манер (vestibule), как это принято сейчас, а на латинский. Об этом свидетельствует «Словотолкователь и объяснитель иностранных слов, вошедших в русский язык» (М., 1898).

едешь домой? – осведомился Клим.

Тотчас проснувшись, новый друг покачал головой и сказал:

– Э нет! Мы идём в ресторан. Покушаем, а потом ты пойдёшь в номер, а я на извозчик и домой.

– А далеко ли отсюда до твоего дома в Нахичевани?

– Ночью – половина целкового, а днём – один двугривенный. Днём конка ходит и потому дешевле извозчик.

– Я хотел узнать, какое расстояние? – улыбнувшись, пояснил ставрополец.

– Сколько верста хочешь знать? – наморщив лоб, переспросил Бабук.

– Да.

– Два верста от Ростова до Нахичевани и ещё полтора верста до мой дом. Я на Первой Фёдоровской живу, 16. И дом, и веранда – большой. В гости, когда поедем, я тебя с мой дом познакомлю. С один старший брат, другой, два сестричка, матушка, отец, дядя, тётя, дедушка и бабушка старенький... Пелеменика и пелеменицу тоже увидишь, они совсем дети: два и три года... У нас большой и дружный семья! Я очень люблю всех... но и кушать тоже очень хочу сейчас.

– Прости. Я заболтался. Идём.

II

Ресторан «Гранд-отеля» отличался роскошью золочёной

лепнины потолка, росписью стен и диковинными для этих мест растениями. Кроме уже набивших оскомину разнообразных пальм в кадках можно было увидеть и гранатовое дерево, и апельсиновое. Если в наружной отделке гостиницы преобладали нотки русской культуры, то весь ресторан был отделан в стиле Людовика XIV. И даже люстры с устремлёнными вверх газовыми горелками напоминали изящные факелы в обрамлении матовых абажуров с уходящими вниз бронзовыми фигурками ангелочков на дугах, похожих на скрещённые полумесяцы. Лёгкое шипение газовых ламп терялось в приглушённых голосах посетителей, стуке каблучков официантов и в едва различимом звуке приборов за столами, будь то звон хрустальных бокалов или чье-то неосторожное касание ножа о тарелку.

Метрдотель любезно провёл друзей за свободный столик. Не успел он отойти, как неизвестно из каких эфиров появился официант в белых перчатках с карандашом и блокнотом. Выпалив автоматом фразу «Чего, господа, желают сегодня откусать?», он застыл в ожидании, будучи готовым исписать не один лист.

Глядя в потолок, Бабук провешал:

– Армянски меню хочу. Бозбаш эчмиадзинский, шашлык по-карски, айлазан, мшош фасолевый. И на десерт: гату арцахскую и шпот. Это всё для двух человек. Я пить буду мацун. – Он посмотрел на Ардашева и спросил: – Ты что хочишь пить, Клим-джан?

– Раз уж мы обратились к армянской кухне, то я бы предпочёл вашу национальную водку. Как она называется?

– Арцах. Из белый тутовник. Очень крепкий. Не боишься?

– Думаю, после сегодняшнего трудного дня не повредит. А ты?

– Лучше я кислый мацун выпью.

– Арцаха маленький графинчик изволите? С него начнём-с? – заявил о себе прислужник.

– Пожалуй.

– Не угодно ли-с талму? Из молодых виноградных листочков. Во рту тают-с.

– Давай-давай. Уговорил, – махнул рукой добродушный толстяк. – Только быстро. Очень кушать хотим.

– Я мигом-с, господа. Не извольте беспокоиться. Не задержу-с!

Когда официант исчез, Ардашев сказал:

– А ты, я смотрю, почти святой. Не куришь, не пьёшь, – выпустив струю папиросного дыма, проронил студент. – Молодец!

– Никакой я не святой, – горько вздохнул приказчик. – Если честно, пить боюсь пока. Отец это не любит. Ругаться начнёт. Да и мне завтра работать много с тобой. Надо тебе помочь всё на склад найти, что Верещагин обещал, и деньги сдать в касса. Большой ответственность у меня перед отец. – Он покачал головой и добавил: – А два грех у меня уже ест:

сильно разный женщина люблю и кушаю много.

– Да разве это грехи? Люби сколько хочешь и кого хочешь. Это же страсть. И ты её даришь своей партнёрше совершенно бесплатно. И вам обоим от этого прекрасно. Ну что в этом плохого?

– Понимаешь, – опустил глаза, выговорил приказчик, – не бесплатно. Я им всем деньги за это плачу.

– Как это?

– У одной любовница муж есть. На Старый базар торгует. И другая любовница тоже муж есть. Молочница. Приходит к нам в дом. А потом я хожу в её дом, когда её муж из Нахичевань в Ростов уезжает. А ещё я иногда в один тайный дом хожу. Там очень богатый и знатные дамы приходят развлекаться. Им скучно. Но только они все в масках. Лица не увидишь. Но они тоже с меня деньги берут. Потому я должен много работать, чтобы красивый дама любить... Знаешь, чего я боюсь?

– И чего же?

– Я боюсь, что не встречу любимый барышня. А так и буду любовниц содержать и на Тургеневскую грязный деньги платить.

– А что там на Тургеневской?

– Там много публичный дом. Если отец узнает, что я там был, – стыдна. Сразу жениться заставит. А невеста может быть очень некрасивый. Что тогда? Опять на Тургеневскую? У нас если после свадьба гуляешь от жены – позор. Знаешь, я

вот если смотрю на красивый знатный русский дамочка, как та, что передо мной сидит, так и мечтаю... Все деньги мира готов ей отдать, чтобы только она маска надела и пошла со мной...

– Ты о ком?

– Через пять стол от нас, под зелёный пальма господин спиной ко мне сидит, а дама с ним рядом – дэцц... персик. Откуда такой берутся? – прошептал Бабук. – Посмотри одним глазом только... Чтобы она не заметила. Я за целый неделя такой красивый женщина не встречал нигде.

Клим повернулся и застыл. Затушив нервными толчками папиросу в пепельнице, он проронил, вставая:

– А знаешь, дружище, это неплохая идея. Подожди, я не долго. Спрошу у этой куколки, не согласится ли она маску примерить со мной?

– Ты что? С ума ушёл? Скандал большой будет! Полиция вызовут. Никак нельзя! Постой! – схватившись руками за свою кудрявую голову, просящим голосом умолял толстяк, но было уже поздно.

Глава 7

Нежданная находка

I

Клим проснулся от того, что кто-то дышал ему в ухо. Он открыл глаза и улыбнулся, увидев на плече очаровательное личико вчерашней прелестницы, сидящей неподалёку под раскидистой африканской пальмой. Он и сам не ожидал, что «Вера Александровна», а на самом деле Фаина, окажется в его постели. Красотка, обобравшая его в поезде всего сутки назад, теперь послушно прижималась к нему нежным телом, как верная комнатная собачонка. А вчера вечером всё могло пойти совсем по-другому.

Встретившись с мойщицей взглядом, Ардашев сразу подал ей знак – на выход. Понимая, что капкан захлопнулся, дама повиновалась, и он уже собирался позвать городского, дежурившего у входа в отель, но она упростила его подняться с ним в его номер и переговорить тета-тет, а после готова была проследовать, как она выразилась, «хоть в участок, хоть этапом сразу на каторгу». Студент согласился. Дверь комнаты ещё не успела закрыться, как Фаина бросилась в объятия Клим, покрывая его поцелуями. И он, растаяв, как масло

на сковородке, тоже не остался в долгу. Вчерашняя воровка уверяла, что не только не причинит ему зла, но и доставит столько удовольствий, сколько он ещё никогда не испытывал. И не солгала. Постоялец не только не передал прелестницу в строгие руки закона, но и заказал в номер шампанское, клубнику и шоколадные конфеты. Утомлённые друг другом, они заснули, когда утренний свет уже начал просачиваться в щель через неплотно прикрытые портьеры.

Неудобно было перед Бабуком. Всё получилось так быстро, что Климу некогда было ему что-либо объяснять. Приказчик честно прислал в номер половину ужина и графин арцаха. Ардашев успокаивал себя мыслью, что Бабук – умный малый и сам должен обо всём догадаться.

Запах снеди, несмотря на клоши, уже смешался с ароматом шампанского и табачным дымом. Клим потянулся за папиросой и в этот момент по его плечу заходили ресницы красотки. Она проснулась и, как сиамская кошечка, беззвучно зевнула.

– Теперь ты меня отпустишь? – тихо вымолвила она и поцеловала Клима в щёку.

– Да, только ты мне так и не сказала, откуда тебе стало известно, что я вёз в саквояже деньги.

– Николай узнал от кого-то.

– А ты меня познакомишь с Николаем?

– Нет.

– Но почему?

– Потому что он страшный человек и сначала убьёт тебя, а потом и меня.

– А это мы ещё посмотрим!

– Глупый и самоуверенный мальчишка, – вздохнув, произнесла Фаина и стала одеваться.

– Может увидимся ещё раз, а?

– Не получится. Мы сегодня уезжаем.

– А с кем ты сидела за столиком?

– Ко мне привязался штукмейстер⁴⁰.

– Артист?

– Да, он тут на гастролях. Как я понимаю, он хотел затащить меня в постель, но ты оказался проворнее.

– Ты бы усыпила его, а потом обобрала, да?

– Нет, я по гостиницам не работаю. Это не наша территория. Просто он мне понравился – галантный, обходительный. И я решила ответить ему взаимностью, но тут появился ты.

– Послушай, Фаина, но ведь тебя рано или поздно посадят. Зачем тебе столь опасное ремесло? Ты умна, красива и могла бы вполне удачно выйти замуж.

Дама погрузстнела, а потом сказала:

– Я уже была замужем. Прощай, мой мальчик. Мне пора.

– Прощай.

Дверь хлопнула, и Клим остался один. Приведя себя в по-

⁴⁰ Штукмейстер (*уст.*) – здесь в значении фокусник, человек, выделяющий всякие штуки, чтобы поразить воображение зрителей.

рядок, он окликнул коридорного, который забрал еду, присланную Бабуком, и, разогрев её на кухне, опять принёс в номер. По просьбе постояльца он забрал туфли и уже через десять минут вернул их начищенными до самоварного блеска. Расставшись с целковым и позавтракав, студент спустился вниз.

Портье, увидев Ардашева, сообщил, что для него имеется телефонное сообщение от господина Гайрабетова, который просил передать, что прибудет к девяти утра, то есть через час. За это время студент успел побриться у цирюльника и купить носки, бельё и сорочки, присланные ему из ближайшего магазина. Находясь в прекрасном расположении духа, Клим выпил две рюмки арцаха и, крикнув от удовольствия, покинул номер. Чашка ароматного турецкого кофе, заказанного в вестибюле, отлично оттенила послевкусие крепкого напитка, а любимая папироса стала ещё одной утренней приятностью. Не успел он сделать третью затяжку, как появился приказчик.

– Доброе утро, Клим-джан! Рад тебя видеть, что ты живой и здоровый, потому что можно умереть от счастья рядом с такой красивой дама, что ты вчера украл у того господина.

– Прости, Бабук, что не успел предупредить тебя. Благодарю за еду, что ты прислал в номер. Армянская кухня – замечательная.

– Кто такой та женщин вчера был, скажешь?

– Это моя попутчица, опоившая меня зельем в вагоне.

– Ой вах! Что ты говоришь?

– Да, представь себе.

– И ты не отдал её в руки полиция?

– Нет, мы провели вместе ночь.

– Какой молодец! Правильно! Зачем такой красавица за решётка идти? Но она вернула тебе саквояж?

– Я даже не стал спрашивать о нём. Наверняка он у её сообщника... Ладно. Насколько я понимаю, мы сейчас должны отвезти деньги на «Аксай» и решить вопрос с отправкой земледельческих орудий в Невинномысск, так?

– Да, деньги заберём. Всё сделаем сегодня же и дадим телеграмма твой отец. Не волнуйся. Скажи, ты будешь искать убийца Виктор Тимофеевич?

– Обязательно. Надобно опросить дворника дома, где жил Верещагин. Полиция обычно с этого и начинается. Вдруг удастся узнать что-нибудь новое.

– Хорошо. Сегодня закончим твой дело, а потом начнём искать убийца. Тогда не будем потерять время. Едем.

II

Надо признать, что Бабук как приказчик был на своём месте. Несмотря на свой вес, он носился по территории «Аксая» с такой скоростью, что казалось, будто он скользит на коньках, и Клим едва поспевал за ним. Он трепал за ухо каждую дворнягу, зная их клички, ведал практически всем и с

рабочими в цехах был вежлив, но строг. Ардашев едва сдерживал смех, слушая, как Гайрабетов отчитывал нового начальника склада за то, что тот не знал толком, где у него что хранится. Бабук приводил такие примеры и так умудрялся исказить русскую речь, что даже те, кого он ругал, с трудом сохраняли серьёзное выражение лица. Со своими земляками из Нахичевани он не просто здоровался, а обнимался и к имени каждого обязательно добавлял «джан» и только двух служащих величал «ахпер-джан».

Часам к шести товар, заказанный отцом, уже отправили на товарную станцию. За погрузку отвечали люди Бабука, которым он безгранично доверял. Клим написал отцу письмо и передал его приказчику, которому поручили доставить сельскохозяйственные орудия на товарный склад станции Невинномысская. Конечно, всё это должен был делать Клим, но, поскольку он взялся за расследование преступления, приказчик убедил отца послать вместо Ардашева своего служащего.

– Клим-джан, куда мы теперь поедем?

– На Казанскую.

– К дворнику?

– Да, и с Багдасаряном поговорим.

– Ты что? Скандал хочешь? Он плохой человек.

– Ничего. Посмотрим.

До извозчичьей биржи пришлось идти четверть часа. Ещё полчаса обычная, а не рессорная коляска тряслась до Казан-

ской. Перед домом покойного она остановилась.

Сойдя с экипажа, Бабук и Клим оказались в гуще ватаги ребят. Вооружённые луками и стрелами, дети играли в казаков-разбойников. Ардашев едва поравнялся с тополем, как в ствол дерева вонзилась стрела. Студент оторопел. Он с трудом вытащил из коры стрелу, пролетевшую в двух вершках от его туловища. Его внимание привлёк наконечник. Он был бронзовый с тремя оперениями. Точно такими, как и тот, который он передал судебному следователю. Да, несомненно, наконечник был эпохи бронзы, с зеленовато-синим окислением и, самое главное, с шипом сбоку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.